

Девушка в переводе

Автор:

Джин Квок

Девушка в переводе

Джин Квок

До шестнадцати и старше

В одиннадцать лет в судьбе Кимберли Чанг началась новая глава – вместе с мамой она эмигрировала из Гонконга в Америку. Практически без денег, знания языка и четких представлений, что ее ждет. И вскоре у Кимберли начинается двойная жизнь: днем она, как все, учится в школе, а вечером, как рабыня, надрывается на маленькой швейной фабрике в Чайнатауне. Она вынуждена скрывать свою нищету и работу от одноклассников и учителей, ухитряясь оставаться при этом самой блестящей ученицей.

День за днем Кимберли все четче понимает: только вера в себя и бесконечное желание помогут им с мамой вырваться из убогой ледяной квартирки с тараканами в новое лучшее будущее. И шаг за шагом она начинает возводить мост между двумя такими непохожими мирами, пытаясь не потерять в переводе с китайского на английский главное – себя.

Джин Квок

Девушка в переводе

Jean Kwok

GIRL IN TRANSLATION

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

© Jean Kwok, 2010

© Перевод, М. Александрова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Девушка в переводе» Джин Квок – пронзительный, красноречивый, до боли правдивый дебютный роман.

USA Today

Вдохновившись собственным опытом эмиграции, Квок пишет в странной дихотомии взросления на фоне блеска и нищеты Нью-Йорка. Покоряет с первой страницы.

The Independent

Теплая и трогательная книга, читать которую непередаваемое удовольствие. Она заставит посмотреть на мир совершенно с нового угла.

Наивная, но упорная китайская девочка смело противостоит бедности и культурному шоку в Бруклине. Эта книга больше, чем просто еще одна история об эмиграции.

Publishers Weekly

Пролог

У меня есть особый талант – не актерский, не музыкальный, не к танцам или еще к чему-то столь же изящному. Я всегда умела учиться. Могла выучить все что угодно – быстро и без особых усилий. Как будто школа была специальным механизмом, а я – идеально подходящей шестеренкой. Впрочем, не могу сказать, что учение всегда давалось мне легко. Когда мы с Ма переехали в США, я знала всего несколько слов по-английски, и пришлось немало побороться, чтобы заговорить.

Китайская пословица гласит: нашей жизнью управляют ветры судьбы, вынуждая следовать в определенном направлении. Люди с сильной волей могут противостоять буре и выбирать собственную дорогу, в то время как слабые вынуждены идти туда, куда их гонит ветер. Так вот моей судьбой управлял не ветер, ею управляли собственные решения. Всю жизнь мне хотелось иметь то, чего у меня не было. И в тот момент, когда мечта, казалось, превращалась в реальность, возникало новое решение, радикально менявшее жизненную траекторию.

Отсюда, с улицы, сквозь витрину магазина для новобрачных, мне видна маленькая девочка, тихонько сидящая у ног манекена, – глаза зажмурены, тяжелые складки ткани почти скрывают ее, и я думаю: «Нет, не такой жизни я хотела бы для своего ребенка». Сегодня я знаю, что будет дальше. Уже сейчас она проводит в магазине все время после школы, помогает по мелочам – перебирает бусины; потом научится шить, вручную и на машинке, и тогда ей доверят вышивку и окончательную отделку, и в итоге все дни напролет она

станет просиживать, скрючившись над бесконечными ярдами ткани. Не будет у нее ни вечеринок у подружек, ни уроков плавания, ни лета на пляже, вообще ничего, кроме неумолимого стука швейной иглы.

Но тут мы обе поднимаем глаза, потому что входит ее отец, и все, казалось бы, забытое вновь просыпается во мне, и сердце раненым зверьком мечется в груди.

Интересно, я тоже была такой хорошенькой? У нас практически не сохранилось моих детских фотографий, мы не могли позволить себе фотоаппарат. Первый американский снимок – школьное фото того года, когда я приехала в Америку. Мне было одиннадцать. Потом в жизни наступил момент, когда хотелось забыть о прошлом, и я разорвала фотографию на мелкие кусочки. Но почему-то не выбросила их, а сунула в конверт.

Недавно мне попался этот конверт. Я стерла с него пыль, раскрыла, потрогала неровные края обрывков. Это – мочка уха, а вот это – часть подбородка. Тогда, помню, мама меня подстригла, пряди слишком короткие и разной длины, челка закрывает правую половину лба, как у мальчишки. Лицо и часть голубой нейлоновой рубашки пересекает надпись: ОБРАЗЕЦ. Мы не могли заплатить за настоящую фотографию и поэтому сохранили эту. Нам ее прислали по почте.

Но когда я собираю разрозненные кусочки, в сложенном пазле появляются мои глаза, твердо глядящие в объектив, и в этом взгляде трудно не заметить надежду и честолюбие. Если б я только знала...

Глава первая

Тротуар был покрыт тающей коркой льда. Я пристально разглядывала свои резиновые сапожки – вот носок скользит по льду, вот лед превращается в мелкие осколки под моим каблуком. Известный мне лишь по маленьким искусственным кубикам в напитках, здешний лед был живым – именно он был хозяином городских улиц и зданий.

– Нам очень повезло, что освободилось местечко в одном из домов Мистера Н., – объявила Тетя Пола, едва мы подъехали к своему новому жилищу. – Вам,

конечно, придется привести его в порядок, но, знаете, при нынешней дороговизне на жилье в Нью-Йорке это очень даже дешево.

Я с трудом могла усидеть в машине, вертела головой во все стороны, пытаюсь разглядеть небоскребы. Но что-то ни одного не встречалось. Мне страстно хотелось увидеть тот Нью-Йорк, о котором я слышала в школе, – Мин-Хат-Тон, сверкающие магазины, а больше всего – статую Свободы, гордо возвышающуюся над Нью-Йоркским заливом. По мере нашего движения дороги превращались в невероятно широкие авеню, уходящие в бесконечность. Здания становились все грязнее, все чаще встречались разбитые окна и какие-то английские надписи, нарисованные краской прямо на стенах. Еще несколько поворотов. Мы проезжаем мимо людей, стоящих, несмотря на ранний час, в длинной очереди, а потом Дядя Боб останавливается у трехэтажного дома с заколоченной витриной на первом этаже. Я подумала, что мы притормозили только на минутку, по какому-нибудь делу, но тут все принялись выбираться из машины на обледеневший тротуар.

Перед закрытой дверью с непонятной надписью «Отдел социальной службы» стояла длинная очередь. Почти все были чернокожими. Я никогда прежде не видела черных. У женщины, стоявшей ближе других ко мне, кожа была просто смоляной, а в пышных волосах сверкали золотые бусинки. На ней было поношенное тоненькое пальто, но она тяжело дышала, как будто ей было душно. Кое-кто был одет прилично, но в основном все были неопрятные и неряшливые, с мутными глазами и немытыми волосами.

– Не пялься на них, – прошипела мне Тетя Пола. – Не надо привлекать к себе внимание.

Я отвернулась. Взрослые уже выгрузили наши немногочисленные пожитки, которые громоздились теперь у заколоченной витрины, – три чемодана, мамина скрипка в футляре, несколько свертков, обернутых в крафтовую бумагу, и швабра. Перед входной дверью была большая лужа.

– Что это, Ма?

Она наклонилась пониже, разглядывая.

– Не наступайте, – раздался сзади голос Дяди Боба. – Это моча.

Мы поспешно отскочили назад.

– Все будет нормально. – Тетя Пола ободряюще похлопала Ма по плечу, но звучало это не очень убедительно. Ей было явно неловко перед нами. – Из вашей квартиры совсем недавно съехали жильцы, и я ее пока не видела, но помните, если возникнут проблемы, мы их сразу же уладим. Вместе. Потому что мы одна семья.

Ма вздохнула и погладила тетину руку:

– Хорошо.

– А у меня для вас сюрприз. Вот! – Тетя Пола вернулась к машине и вытащила коробку, в которой лежали несколько простыней, радиоприемник с будильником и маленький черно-белый телевизор.

– Спасибо, – сказала Ма.

– Не за что, что ты, – замахала руками Тетя Пола. – А теперь нам пора. Мы уже опаздываем на фабрику.

Они отъехали, а Ма все возилась с ключами, тяжелая дверь, казалось, сопротивлялась натиску. Наконец Ма удалось справиться с замком, дверь распахнулась, и голая электрическая лампочка тускло мерцала в проеме, подобно одинокому зубу в темной пасти. Потянуло сыростью и запахом пыли.

– Ма, – прошептала я, – здесь точно не опасно?

– Тетя Пола не поселила бы нас в опасном месте. – Однако в ее голосе прозвучала нотка сомнения. Когда Ма нервничала, в ее обычно чистом кантонском диалекте проскальзывали интонации, выдававшие ее провинциальное происхождение. – Подай-ка щетку.

Пока я втаскивала наши вещи в узкий коридор, Ма ловко размахивала щеткой, выметая грязь с лестницы.

– Стой там, придержи дверь, чтоб не захлопнулась, – распорядилась она. Ма не хотела, чтобы я бросилась ей помогать.

Я смотрела, как она карабкается по деревянной лестнице, и сердце мое колотилось где-то у самого горла. Покосившаяся лестница казалась ненадежной. Я боялась, что какая-нибудь ступенька вдруг вылетит и Ма покатится вниз. Она скрылась за пролетом, и я слышала лишь скрип ступеней. Я оглядела кучку наших вещей, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия. В крайнем случае я смогу громко завизжать и броситься ей на помощь. В голове промелькнули образы моих гонконгских одноклассников, Жирного Вога и Длинного Лэма. Была бы я такая здоровенная, как они! Над головой раздались шаги, щелкнул замок, застонали половицы. Это Ма или кто другой? Я напряглась в ожидании крика или звука удара. Тишина.

– Поднимайся, – донесся ее голос. – Можешь прикрыть дверь.

Ноги у меня подкосились, будто из них выпустили воздух. И я взбежала по лестнице в нашу новую квартиру.

– Не прикасайся ни к чему, – предупредила Ма.

В кухне свистел ветер, словно оба окна были нараспашку. Странно, зачем Ма пооткрывала окна. Но окна были закрыты. Просто подоконник почти отсутствовал, а из деревянных рам торчали грязные осколки. Толстый слой пыли покрывал маленький кухонный столик и выщербленную раковину. Я старалась не наступать на хрустящие тельца дохлых тараканов, устилавшие пол по всей кухне. Тараканы были огромными и в полумраке выглядели особенно мерзко.

Из кухни шла дверь в ванную, и она располагалась точно напротив плиты, хотя даже младенцу понятно, что это плохо с точки зрения фэн-шуй. Кусок темно-желтого линолеума между раковиной и холодильником отсутствовал, обнажились кривые половицы. Стены где-то потрескались, а где-то странно вздулись, будто проглотили что-то; краска местами облупилась и висела хлопьями, выставляя напоказ штукатурку – словно плоть под содранной кожей.

К кухне примыкала еще одна комната, и двери между ними не было вовсе. Входя в комнату, я краем глаза заметила, как по стене медленно движутся бурые пятна – живые тараканы. В стенах, должно быть, обитали еще и мыши, а может,

и крысы. Я выхватила из рук Ма швабру, перевернула и постучала рукояткой по полу.

– А-Ким, – встревожилась Ма, – там же соседи.

Я промолчала, хотя подозревала, что в этом здании мы – единственные жильцы.

Окна комнаты выходили на улицу, и подоконники здесь были целыми. Видимо, Тете Поле пришлось их починить, чтобы не срамиться перед нами. В комнате было пусто, но стоял застарелый запах пота. В углу валялся изношенный матрас – в сине-зеленую полоску и весь в пятнах. Из мебели имелись крошечный колченогий кофейный столик, за которым я буду позже делать уроки, и комод, краска с которого осыпалась, точно перхоть. И все.

Я подумала, что Тетя Пола сказала неправду, в этой квартире давным-давно никто не жил. Мне все стало понятно. Она специально так сделала – заставила нас переехать в будний день, а не в выходные, вручила подарки в самый последний момент. Хотела бросить нас здесь одних, а фабрика просто была предлогом, чтобы поскорее смыться, пока мы будем рассыпаться в благодарностях за ее доброту. Тетя Пола вовсе не собиралась нам помогать. Мы остались одни.

Я крепко обхватила себя обеими руками.

– Ма, я хочу домой.

Ма наклонилась, прижалась лбом к моему лбу. Она заставила себя улыбнуться, но в глазах стояло напряжение.

– Все будет хорошо. Ты и я, мама и детеныш, мы двое – семья.

Но что Ма думала на самом деле, я не знала, – моя Ма, которая протирала салфеткой чашки и палочки в каждом ресторане, куда мы ходили, потому что не была уверена в их чистоте. Думаю, после того, как она увидела квартиру, для Ма тоже кое-что прояснилось в отношении Пола – что-то истинное, скрытое под маской вежливых бесед.

Первую неделю в США мы с Ма прожили в доме Тети Полы и ее семейства на Стейтен-Айленд.

В тот вечер, когда мы прилетели из Гонконга, было холодно, но в доме стояла такая жара, что горло пересыхало. Ма не виделась с Тетей Полой, своей старшей сестрой, тринадцать лет – с тех пор, как та вышла замуж за Дядю Боба, жившего в Америке с детства. Рассказывали, что Дядя Боб управляет большой фабрикой, и я всегда удивлялась, зачем такому богатому человеку искать жену в Гонконге. Теперь, увидев, как он ходит с палочкой, я поняла, что у него, вероятно, проблемы с ногой.

– Ма, когда мы будем есть? – Китайский моего кузена Нельсона был ужасен, интонации неправильные. Ему, наверное, из-за нас велели говорить по-китайски.

– Скоро. Сначала поцелуй свою сестренку. Поздравь с прибытием в Америку, – велела Тетя Пола.

Она взяла за ручку трехлетнего Годфри и подтолкнула Нельсона вперед. Нельсону было одиннадцать, как и мне, и предполагалось, что он станет моим лучшим другом. Я внимательно рассматривала жирного мальчишку на тоненьких ножках. Нельсон театрально закатил глаза.

– Добро пожаловать в Америку, – громко произнес он, на радость взрослым. Наклонился ко мне, делая вид, что целует в щеку, а сам тихонько прошептал: – Ну, ты, грязная деревенская кочерга!

Тупой, неотесанный мужлан. Странно, но на этот раз интонации были идеальными.

Я покосилась на Ма, но она ничего не слышала. На миг оторопев от такого хамства, я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, но тут же улыбнулась и чмокнула его в ответ, шепнув в ухо:

– По крайней мере, я не похожа на картофелину на спичках.

Взрослые сияли.

Нам показали дом. Ма говорила, что в Америке мы будем жить у Тети Полы и помогать с детьми, Нельсоном и Годфри. Дом показался мне просто роскошным: повсюду оранжевое ковровое покрытие, а не просто бетонный пол, к которому я привыкла дома. Следуя по пятам за Тетей Полой, я обратила внимание, какая она большая, почти одного роста со своим мужем. Ма, похудевшая после недавней болезни, рядом с ней казалась совсем крошечной и хрупкой, – впрочем, об этом было слишком тяжело думать. Раньше мне никогда не разрешали ходить босиком, и я замирала от восторга, ощущая приятную колкость ковров.

Тетя Пола показывала мебель, гардероб, полный белья, но больше всего меня поразила горячая вода, свободно текущая из кранов. Никогда в жизни я такого не видела. В Гонконге с водой проблемы. У нас всегда была только холодная, и для питья ее приходилось кипятить.

Потом Тетя Пола распахнула дверцы буфета, демонстрируя блестящие баночки и чайнички.

– У нас есть замечательный белый чай, – гордо сообщила она. – Листочки распускаются и становятся длиной в палец. Очень тонкий аромат. Пейте, пожалуйста, сколько захотите. А вот здесь сковородки. Сталь высшего качества, на них изумительно жарить и тушить...

Когда наутро мы с Ма проснулись, Тетя Пола и Дядя Боб уже ушли – отвести детей в школу и проверить, как идут дела на фабрике, но Тетя Пола оставила записку, что к полудню будет дома и поможет нам устроиться.

– Давай попробуем этот замечательный белый чай? – предложила я.

Ма жестом указала на стол. Там стоял старый щербатый глиняный чайник да коробка недорогого зеленого чая.

– Сердце мое, неужели ты думаешь, нам случайно оставили именно это?

Я потупилась, смущенная собственной бестолковостью.

Ма продолжала:

– Китайцев нелегко понять. Много не говорится напрямую. Но мы не должны обижаться на такие пустяки. У каждого свои слабости. – Она опустила руку мне на плечо. Я посмотрела на нее, Ма выглядела спокойной и уверенной. – Никогда не забывай, мы в большом долгу перед Тетей Полой и Дядей Бобом. Потому что они помогли нам уехать из Гонконга в Америку, Страну Золотых Гор.

Я кивнула. Все ребята в школе откровенно завидовали, когда узнали, что я уезжаю в Штаты. Сбежать из Гонконга в последние годы перед его присоединением к коммунистическому Китаю в 1997 году было практически невозможно. У вас был шанс, только если вы молодая симпатичная женщина, способная очаровать одного из американских китайцев, приехавших в Гонконг в поисках жены. Так и поступила в свое время Тетя Пола. А сейчас она оказалась настолько добра, что позволила нам разделить ее счастливую судьбу.

Вернувшись домой тем первым утром, Тетя Пола пригласила нас с Ма за кухонный стол.

– Итак, Кимберли, – начала Тетя Пола, постукивая кончиками пальцев по виниловой клеенке, – я слышала, ты блестяще учишься.

Ма с улыбкой кивнула; в своем классе в Гонконге я всегда была лучшей.

– Ты будешь замечательной помощницей маме, – продолжала Тетя Пола. От тетушки пахло духами, над верхней губой у нее темнела родинка. – И я уверена, станешь хорошим примером Нельсону.

– Нельсон тоже очень умный мальчик, – вставила Ма.

– Да, конечно, он хорошо учится, а его преподаватели говорят, что он обязательно когда-нибудь станет выдающимся адвокатом, уж очень любит спорить. Но теперь у него будет повод стараться изо всех сил, чтобы не отстать от своей блестящей кузины. Верно?

– О, ты возлагаешь на нее непосильный груз, старшая сестра! Девочке придется нелегко, А-Ким почти не говорит по-английски.

– Да, это проблема. Нельсону тоже нужно бы подучить китайский – беда с этими детками, родившимися в Америке! Но тебе, младшая сестра, следует называть девочку ее американским именем – Кимберли. Очень важно иметь американское имя. Иначе могут подумать, что вы только что выбрались из джонки! – Тетя Пола рассмеялась.

– Ты всегда думаешь о нас, – вежливо ответила Ма. – Мы хотели бы как можно скорее начать помогать тебе. Может, мне начать заниматься китайским с Нельсоном?

– Видишь ли, – с сомнением произнесла Тетя Пола, – об этом я и хотела поговорить. В этом, вообще-то, больше нет нужды.

Ма удивленно приподняла бровь:

– Я думала, ты хочешь, чтобы Нельсон лучше знал китайский. Тогда, наверное, мне следует нянчить маленького Годфри и встречать Нельсона из школы? Ты говорила, здешние няни дороги и ненадежны. Или ты намерена сама сидеть дома и присматривать за детьми?

Ма все что-то бормотала в растерянности, а я мечтала, чтобы она уже замолчала и дала высказаться тетушке.

– Нет, нет. – Тетя Пола почесала шею. Я уже замечала раньше этот жест. – Я бы, конечно, хотела сидеть дома. Но сейчас навалилось столько разных забот. Фабрика, все эти дома Мистера Н. Сплошная головная боль.

Тетя Пола уже не раз давала понять, что она очень важная фигура – управляет швейной фабрикой и недвижимостью дальнего родственника Дяди Боба, бизнесмена с Тайваня, которого она называла Мистер Н.

Ма кивнула.

– Ты должна побереечь себя, – проговорила она полувопросительно. Мне тоже было интересно, куда клонит Тетя Пола.

– Все хотят заработать, все должно приносить прибыль. Каждое здание, каждая партия товара... – Она смотрела на Ма с каким-то странным выражением. – Я думала, что приглашу вас помочь с детьми. Но потом у тебя появились некоторые проблемы.

Около года назад маме поставили диагноз «туберкулез», уже после того, как были оформлены все бумаги на выезд. Несколько месяцев ей пришлось принимать лекарства. Помню, как она лежала в лихорадке, но антибиотики помогли победить кашель и пятна крови на носовых платках. Дата отъезда откладывалась дважды, пока наконец она не получила разрешение от врачей и департамента иммиграции.

– Я здорова, – сказала Ма.

– Разумеется. И я рада, сестренка, что с тобой все в порядке. Но мы должны быть уверены, что не случится рецидива. Забота о двух таких активных мальчиках, как Нельсон и Годфри, будет отнимать у тебя слишком много сил. Мальчики – это совсем не то, что девочки.

– Я справлюсь, уверена, – настаивала Ма, с нежностью глядя на меня. – А-Ким тоже была шустрая, как обезьянка.

– Да, конечно. Но мы не хотим, чтобы мальчики подхватили какую-нибудь инфекцию. Они такие хрупкие.

Я изо всех сил старалась понять китайцев, как учила Ма. По неловкому молчанию, следовавшему за тетиними словами, я догадалась, что дело не в болезнях. По какой-то непонятной причине Тетя Пола не хотела, чтобы Ма нянчила ее детей.

– В любом случае мы благодарны, что ты перевезла нас сюда, – после небольшой паузы выдавила Ма, пытаясь снять напряжение. – Но мы не можем быть для тебя обузой. Я должна работать.

Тетя Пола расслабилась и принялась играть новую роль.

– Вы же моя семья! – Она засмеялась. – Неужели вы думаете, я этого не предусмотрела? – Она поднялась, подошла ко мне и обняла за плечи. – Я возьму на себя ответственность и дам вам работу на фабрике. Я даже уволила одну старую работницу, чтобы освободить рабочее место. Видишь как? Старшая сестра всегда о тебе позаботится. Работа не бей лежачего, сама увидишь. – Тетя Пола говорила так, будто делала Ма большое одолжение, просто бесплатный обед предлагала.

Ма нервно сглотнула, усваивая информацию.

– Я, конечно, изо всех сил постараюсь, старшая сестра, но я никогда не умела толком шить. Мне нужно попрактиковаться.

Тетя Пола все так же ослепительно улыбалась.

– Я помню! – Она скользнула взглядом по моей рубашке, сшитой дома, с кривой красной строчкой. – Меня всегда забавляли кукольные платица, что ты пыталась мастерить. Можешь хоть десять тысяч лет практиковаться, все равно ничего не выйдет. Поэтому я даю тебе пустяковую работу – окончательный этап, развешивать готовую продукцию. Для этого не нужно никаких умений, только старание.

Ма побледнела, выпрямилась и сказала:

– Спасибо тебе, старшая сестра.

С того момента Ма погрузилась в собственные мысли и больше ни разу не играла на скрипке. Пару раз Тетя Пола водила маму в город, показать фабрику и научить пользоваться метро. Оставаясь вдвоем, мы с Ма в основном смотрели цветной телевизор – это было здорово, хотя и не понять ни слова. Правда, однажды, когда мы смотрели какую-то серию «Я люблю Люси», она крепко обняла меня, как будто искала утешения, и я сильнее обычного пожалела, что с нами рядом нет Па.

Па умер от инсульта, когда мне было три года, и нам пришлось оставить его в Гонконге. Я совсем не помнила его, но все равно тосковала. Он был директором начальной школы, где Ма преподавала музыку. Вообще-то она должна была выйти замуж за американского китайца, как Тетя Пола, и вдобавок Па был на

шестнадцать лет старше Ма, но они полюбили друг друга и поженились.

Па, с тоской подумала я, Па. Я так рвалась в Америку и так боялась этого, что у меня даже не было слов объяснить свои ощущения. Просто хотелось, чтобы дух его перенесся из Гонконга, пересек океан и оказался здесь, с нами.

Несколько дней мы с Ма приводили в порядок квартиру в Бруклине. Окна в кухне закрыли мусорными пакетами, чтобы хоть как-то защититься от страшного ветра, хотя при этом в кухне стало темно. Пакеты под порывами ветра надувались и норовили оторвать липкую ленту, которой были приклеены к раме. В соответствии с принципами фэн-шуй через дверь ванной комнаты в кухню проникает поток нечистой энергии. Поэтому мы передвинули плиту насколько могли, чтобы убрать ее как можно дальше от входа в ванную.

На второй день уборки нам потребовались хозяйственные материалы и спрей от тараканов, и Ма решила, что поход в ближайший магазин станет небольшим праздником, наградой за проделанную работу. Судя по тому, с какой нежностью она взъерошила мне волосы, я подумала, что она хочет сделать для меня что-то особенно приятное. Мы купим мороженое, объявила Ма, редкое лакомство.

В магазине было тесно и людно, мы долго стояли в очереди, пока не оказались перед замызганным стеклянным прилавком.

– Что там написано? – спросила Ма, кивая на одну из картонных коробок. Под нарисованной клубникой было написано: «Сделано из настоящих фруктов», но следующее слово я не знала.

Мужчина за прилавком сердито сказал по-английски:

– Я вас спрашиваю. Будете что-нибудь покупать или как? – Тон был настолько агрессивным, что Ма поняла его без всякого перевода.

– Извините, сэр, – виновато пролепетала Ма, – очень извините.

На этом ее знание английского заканчивалось, и она обернулась ко мне.

– Это, – я решительно указала пальцем на клубничные коробочки, – два.

– Наконец-то, – буркнул он.

Сумма, которую он пробил на чеке, в три раза превышала указанную на коробке. Ма бросила взгляд на чек и тут же отвела глаза. Я не знала, должна ли вмешаться и как вообще по-английски выражают несогласие с указанной ценой, поэтому тоже промолчала. Ма заплатила, не глядя ни на продавца, ни на меня, и мы поспешно вышли. На вкус мороженое оказалось ужасным: жидкое и кислое, а фрукты обнаружили только на самом дне – одним комком желе.

По пути домой я не заметила ни одного китайца, только чернокожие и несколько белых. Народу было довольно много – несколько мам с детьми, рабочие, но в основном группы шатающихся без дела молодых парней. Я расслышала, как один из них назвал проходившую мимо девушку «соской». На мой взгляд, она нисколько не напоминала соску. Ма потупилась и притянула меня к себе. Повсюду валялся мусор, битое стекло, ветер гонял вдоль улицы старые газеты. Неразборчивые надписи, покрывавшие все вокруг, включая припаркованные у тротуара автомобили, даже на вид казались безумно злобными. За перекрестком виднелось несколько заводских зданий.

Неподалеку от нашего дома, перед бывшим мебельным магазином, на пластиковом стуле развалился пожилой чернокожий. Глаза прикрыты, лицо обращено к солнцу. Седые волосы окружали голову легким облачком. Я изумленно уставилась на него, подумав, что ни один из известных мне китайцев ни за что не стал бы загорать на солнце, особенно если и без того был настолько черным, как этот мужчина.

Внезапно мужчина вскочил, подпрыгнул и, оказавшись прямо перед нами, характерным движением выбросил вперед руки.

– Ки-йи-я-а! – завопил он.

Мы с Ма одновременно взвизгнули.

Он расхохотался и заговорил по-английски:

– Получилось у меня по-китайски, а? Простите, что напугал вас, дамы. Просто люблю кунг-фу. Меня зовут Эл.

Ма, не понявшая ни слова, ухватила меня за куртку и сказала:

– Это сумасшедший. Не заговаривай с ним, и мы потихоньку убежим.

– Эй, это вы по-китайски, верно? Вы можете меня научить? – спросил мужчина.

Я достаточно пришла в себя, чтобы согласно кивнуть.

– Слушайте, ко мне в магазин заходит один толстый парень. Как мне обозвать его по-китайски – как сказать «настоящий кит»?

– Киунг ю, – сказала я по-кантонски. Теперь Ма и на меня смотрела как на сумасшедшую.

– Кунг ю, – повторил он, совершенно неправильно.

– Киунг ю, – еще раз произнесла я.

– Кинг ю. – Он очень старался. Это звучало невнятно, но уже лучше.

– Так лучше, – по-английски похвалила я.

Ма хихикнула. Наверное, она никогда не слышала, как не китайцы пытаются говорить на нашем языке.

– Успеха вам в ваших делах, – пожелала она по-китайски.

– Хо санг йи, – повторил он. – Что это значит?

Я перевела для него:

– Это пожелать для ваш магазина много деньги.

Лицо его расплылось в широчайшей белоснежной улыбке:

– Именно то, что мне нужно. Спасибо.

– Пожалуйста вам, – ответила Ма по-английски.

Все витрины, за исключением магазина Эла, были пусты. На другой стороне улицы большой пустырь, заваленный мусором и битым кирпичом. На его дальнем краю стоял покосившийся жилой дом, выглядевший так, словно его забыли снести. Чернокожие ребята лазили в развалинах, выискивая обломки старых игрушек и прочего хлама. Я знала, что Ма никогда не разрешит мне поиграть с ними.

Несколько магазинов на нашей стороне улицы еще работали: магазин с расческами и благовониями в витрине, маленький универмаг и скобяная лавка.

Тараканов не брала даже химия. Мы обрызгали все углы и щели, разложили ядовитые шарики в стопках одежды и вокруг нашего матраса. Но коричневые головки по-прежнему шевелили усиками-антеннами из каждой трещины. Едва мы уходили или просто затихали, как тараканы тут же вылезали на свет. Мы ведь были для них единственным источником пищи во всем здании.

К этому невозможно было привыкнуть. Я, конечно, видела тараканов в Гонконге, но никогда – в нашей квартире. Мы жили очень скромно. Как у большинства жителей Гонконга, у нас не было такой роскошной вещи, как холодильник, но все остатки Ма всегда выбрасывала в мусорное ведро под столом, а готовила всякий раз из свежего мяса и овощей, купленных на ближайшем рынке. Я тосковала по нашей маленькой гостиной, где стояли красный диван и пианино, на котором Ма занималась с учениками после уроков в школе. Пианино подарил ей Па, к свадьбе, и нам пришлось продать его перед отъездом.

Теперь я училась все делать шумно, громко топтать, чтобы распугать тараканов. Ма спешила на помощь с клочком туалетной бумаги в руках – раздавить насекомых, но я по-прежнему дико верещала, замечая, как мерзкая тварь ползет прямо по моему свитеру. О том, что происходило, пока мы спали, я предпочитала не думать.

Именно в этот час на сцену выходили мыши и крысы. В первую же ночь я почувствовала, как чьи-то лапки пробежали по мне, и после этого очень быстро научилась спать, глубоко зарывшись в одеяла. Грызунов я боялась не так сильно, как тараканов, поскольку мыши по крайней мере теплокровные. Маленькие живые зверьки, подумаешь. Но Ма боялась мышей панически. В Гонконге она отказывалась заводить кошку именно потому, что опасалась, что та начнет таскать в дом свою добычу. И неважно, что кошки сокращают поголовье грызунов. В нашем доме им не место. После той ночи я сказала Ма, что буду спать с краю, потому что мне надо вставать в туалет. Мне не хотелось, чтобы она лежала прямо рядом с резвящимися мышами и крысами. Вот так мы тогда старались заботиться друг о друге, хотя бы в малом.

Мы расставили мышеловки, и довольно быстро в них попало несколько грызунов. Увидев бездыханные тушки, Ма испуганно отпрянула, и я вновь пожалела, что Па нет с нами и ей приходится самой заниматься всем этим. Я знала, что должна выброситьдохлых мышей и вновь зарядить мышеловки, но не могла заставить себя прикоснуться к мертвым зверькам, и Ма не возражала, когда я взяла их палочками для еды, что было ужасно негигиенично. Я выбросила мышеловки, мышей и палочки, и после этого мы уже не ставили ловушек. Вот такие мы были с Ма: две безразличные буддистки в дьявольском логове.

В изголовье матраса мы положили «Тонг Синг», китайский календарь. В этих книжках много фу, магических слов, написанных древними учителями. Фу могут загнать злобного белого демона обратно в преисподнюю или отразить нападение духов дикой лисы, и мы надеялись, что в Бруклине фу помогут отпугнуть грабителей. Спала я плохо, да вдобавок меня постоянно будил грохот подскакивавших на выбоинах машин. Ма шептала: «Все в порядке», а потом легонько щипала за ухо, чтобы дух сна вернулся в мое тело, и трижды проводила левой ладонью по лбу, отгоняя духов злых.

Наконец настал день, когда от прикосновения к стене на моих ладонях больше не оставалось грязи. Отмыв квартиру, мы установили в кухне пять алтарей: духу земли, предкам, небесам, духу кухни и Гуанинь. Гуанинь – это богиня сострадания, заботящаяся обо всех нас. Мы зажгли благовония и поставили перед алтарями чай и рисовое вино. Вознесли молитвы местному духу здания и квартиры с просьбой даровать нам разрешение жить здесь, в мире; предкам и небесам – с просьбой сохранить от бед и дурных людей; духу кухни – чтобы мы не голодали, а Гуанинь – чтобы помогла осуществить наши сокровенные

желания.

На следующий день я могла идти в школу, а Ма – начать работу на фабрике. Накануне вечером Ма присела на матрас рядом со мной.

– А-Ким, с того момента, как я побывала на фабрике, я все время думала и поняла, что у меня нет выбора, – начала Ма.

– А что такое?

– После школы тебе придется приходить ко мне на работу. Я не хочу, чтобы ты сидела здесь одна целыми днями и вечерами, дожидаясь меня. И еще я беспокоюсь, что не смогу в одиночку справиться с нормой. Женщине, которая занимала это место до меня, помогали двое сыновей. Я вынуждена просить тебя немного помочь мне на фабрике после школы.

– Конечно, Ма. Я ведь всегда помогаю тебе. – Я улыбнулась и погладила ее по руке. В Гонконге я всегда вытирала посуду и складывала белье.

К моему удивлению, Ма покраснела, как будто готова была расплакаться.

– Я знаю, – сказала она. – Но тут совсем другое. Я видела эту фабрику.

Она так крепко обняла меня, что я едва не задохнулась, но Ма уже взяла себя в руки и чуть отодвинулась. Тихо, словно разговаривая сама с собой, она произнесла:

– Наша жизнь в Гонконге – это тупик. Будущее для нас – для тебя – я видела только здесь, где ты могла бы стать кем захочешь. Мы совсем иначе представляли себе это дома, но все будет хорошо.

– Мама и детеныш.

Ма улыбнулась и принялась укутывать меня в тонкое хлопковое покрывало, которое мы привезли из Гонконга. Потом укрыла сверху нашими куртками и своим свитером, чтобы было потеплее.

– Ма? Мы останемся жить в этой квартире?

– Завтра я поговорю с Тетей Полой. – Ма поднялась, принесла футляр со скрипкой. Она остановилась посреди темной комнаты, на фоне потрескавшейся стены, поднесла скрипку к плечу и заиграла китайскую колыбельную.

Я вздохнула. Музыка, казалось, давным-давно пропала из нашей жизни, а мы ведь всего полторы недели в Америке. В Гонконге я слышала, как Ма играет на уроках в школе или во время частных занятий дома, но вечерами, когда я ложилась спать, она обычно слишком уставала, чтобы музицировать. Но теперь мы были здесь, и ее музыка звучала только для меня.

Глава вторая

Настала третья неделя ноября, и я пошла в школу. Мы с Ма с трудом отыскивали ее. Школа находилась далеко за пределами района, который мы успели исследовать. Здесь было гораздо чище, никаких пустырей и заколоченных витрин. Тетя Пола с гордостью объяснила, что наш официальный адрес отличается от того, по которому мы в действительности жили. И мне следует всегда называть именно официальный вариант.

– Почему? – удивилась я.

– Это другое здание Мистера Н. Вам не по карману там жить, но адрес позволит тебе пойти в хорошую школу. Разве ты этого не хочешь?

– А что плохого в обычной школе?

– Ничего! – Тетя Пола раздраженно помотала головой, явно раздосадованная отсутствием благодарности за ее старания. – Ступай посмотри, не нужно ли помочь маме.

И вот теперь, в поисках хорошей школы, мы с Ма пересекли несколько широких улиц, прошли мимо правительственных зданий со статуями на фасадах. Здесь было все так же много черных, но уже встречались и белые, и смуглокожие –

может, латиноамериканцы, а может, и какие-то другие народности, которые я пока не научилась определять. Я дрожала от холода в своей тоненькой куртке. Ма купила самую теплую из тех, что можно было отыскать в Гонконге, но акриловую, а не шерстяную.

Мы миновали жилой квартал, парк и наконец добрались до школы. Это было бетонное здание с большим двором. На флагштоке развевался американский флаг. Видимо, мы опоздали – во дворе было пусто – и потому поспешили по широкой лестнице к тяжелой деревянной входной двери.

Чернокожая женщина в полицейской форме сидела за столом и читала книгу. На груди у нее был значок «Охрана».

Мы показали письмо из школы.

– Иди по коридору, два прата вверх, пердверь лева – твой класс, – махнула она рукой. И вернулась к чтению.

Я поняла лишь, что нужно идти в том направлении, куда она показала, и медленно двинулась по коридору. Ма колебалась, не зная, можно ли ей проводить меня. Она покосилась на охранницу, но что толку – Ма ни слова не могла произнести по-английски. На лестнице я оглянулась на Ма – хрупкая маленькая фигурка у стола охраны. Я даже не успела пожелать ей удачи в первый рабочий день на фабрике. Даже не попрощалась. Захотелось броситься к ней, попросить забрать отсюда, но вместо этого я повернулась и решительно зашагала вверх по ступеням.

Отыскав класс, осторожно постучала.

Низкий глухой голос донесся из-за двери:

– Вы опоздали! Войдите.

Я толкнула дверь. Учителем оказался мужчина. Позже я узнала, что зовут его мистер Богарт. Он был очень высоким – лоб вровень с верхним краем доски, – нос как перезрелая малина, а голова лысая и гладкая как яйцо. Зеленые глаза казались неестественно светлыми, живот выпирал из-под рубашки. Он что-то

писал на доске по-английски, слева направо.

– Наша новая ученица собственной перченой? – Улыбка у него была странной, губы словно исчезли. Потом он глянул на часы и губы вернулись на место.

– Ты опоздала. В чем перчина?

Я понимала, что должна что-то ответить, поэтому наугад выпалила:

– Ким Чанг.

Несколько секунд он недоуменно меня разглядывал.

– Я знаю, как тебя зовут, – произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. – В чем перчина опоздания?

Несколько ребят в классе захихикали. Я озиралась: сплошь одни черные, двое-трое белых. И ни одного китайца. Помощи ждать неоткуда.

– Ты не говоришь по-английски? А мне сказали, что говоришь. – Тяжелый недовольный вздох. – Почему ты опоздала?

Это я поняла. И ответила:

– Простить моя, сэр. Мы не найти школа.

Он нахмурился, кивнул и махнул рукой в сторону свободной парты:

– Иди садись. Вон туда.

Я села на указанное место, рядом с круглолицей белой девочкой с кудряшками, торчавшими во все стороны. Пальцы у меня дрожали так сильно, что я не сумела справиться с пеналом. Он выскользнул из рук, и содержимое рассыпалось по полу. Теперь уже хохотал почти весь класс, а я ползала под партой, собирая рассыпанные вещи. Я так смутилась, что чувствовала, как покраснело не только лицо, но и шея и грудь. Белая девочка тоже наклонилась, подняла ручку и

точилку.

Мистер Богарт продолжал писать на доске. Я села ровно, сцепила руки за спиной и приготовилась внимательно слушать, хотя понимала далеко не все.

Он покосился на меня:

– Почему ты так сипеть?

– Простить моя, сэр, – вновь пролепетала я, хотя понятия не имела, что на этот раз сделала не так. Обернулась на остальных ребят. Большинство из них небрежно развалились на стульях. Некоторые почти лежали, некоторые опирались на локти, несколько человек даже жевали жвачку. В Гонконге ученики складывали руки за спиной, пока говорит учитель, в знак уважения. Я медленно расслабила руки и опустила ладони на парту перед собой.

Покачивая головой, мистер Богарт вернулся к своему занятию.

На ланч весь класс отправился в школьную столовую. Я никогда не видела, чтобы дети вели себя так, как эти американцы. Они только что не висели на потолке и беспрерывно визжали. Работницы столовой метались от стола к столу, выкрикивая распоряжения, к которым никто не прислушивался. Следом за остальными я двигалась с подносом вдоль длинной стойки. Женщины из-за стойки задавали мне какие-то вопросы, в ответ я только кивала, а они шлепали разные коробочки из фольги мне на тарелку: мясной фарш в виде соуса, картошка, превращенная в жидкое месиво, соус, похожий на соевый, но гораздо более светлый и менее соленый, кекс и молоко. Я не пила коровьего молока, у меня от него болел живот. Остальная еда оказалась интересной, но риса на обед не полагалось, поэтому я будто и не поела толком.

После ланча мистер Богарт раздал нам листочки с нарисованной картой.

– Короткое здание, – объявил он. – Впишите все сто лиц.

Кое-кто занял, но большинство принялись что-то писать. Я взглянула на свой листок, а потом в отчаянии бросила взгляд на листок своей белой соседки, пытаюсь понять, что же все-таки нужно делать. Но вдруг листочек выскользнул

из моих пальцев. Рядом стоял мистер Богарт.

– Не подгадывать! – рассердился он. Нос и щеки покраснелись, как будто он внезапно захворал. – Ты, пицца!

– Простить моя, сэр... – забормотала я. Вряд ли меня могли назвать пиццей, американской едой. Но что же тогда он сказал? Произношение моих учителей в Гонконге не имело ничего общего с тем, что я слышала теперь в Бруклине.

– М-м-меня, – произнес он, сложив губы в ниточку. – Простите м-м-меня.

– Простите меня, – повторила я.

Я его явно раздражала, но не понимала почему. Мистер Богарт написал на моем листке огромное «О» и протянул мне. Этот ноль будто полыхнул флуоресцентным светом на весь класс. Что скажет Ма? Я никогда в жизни не получала нулей, а теперь еще все вдобавок решат, что я жульничаю. Оставался единственный шанс произвести положительное впечатление на мистера Богарта – проявить усердие в уборке класса после уроков. Если уж я не могу продемонстрировать интеллектуальные способности, сумею хотя бы доказать, что старательно работаю.

Но едва прозвенел звонок, все ребята тут же выбежали из класса. Никто не остался вымыть полы, расставить стулья и стереть с доски.

Мистер Богарт, заметив мое удивление, спросил:

– Чем могу помочь?

Я промолчала и поспешила выйти из класса.

Ма ждала меня на улице. Я была так рада видеть ее, что чуть не расплакалась, вцепившись в ее руку.

– Что такое? – Она развернула к себе мое лицо. – Тебя кто-то дразнил?

– Нет. – Я вытерла щеки. – Все нормально.

Ма не отводила взгляд:

– Тебя кто-то ударил?

– Нет, Ма. – Я не хотела, чтобы она переживала, потому что все равно ничего не сможет сделать. – Просто здесь все совсем по-другому.

– Понимаю. – Она все еще тревожилась. – Что вы сегодня делали?

– Я не помню.

Ма вздохнула, уступая, и принялась объяснять, как мне самостоятельно добираться до фабрики. Она выдала целый список, чего не следует делать: подходить к странным незнакомым мужчинам, бездомным, карманникам, прикасаться к грязным поручням, стоять слишком близко к краю платформы...

У входа в метро грохот поезда заглушил ее слова. Стены тоннеля, пронесшиеся мимо за мутным вагонным стеклом, сливались в бесконечное размытое пятно. В таком шуме разговаривать было почти невозможно. Напротив нас сидели два мальчика примерно моего возраста. Когда тот, что повыше, встал, из кармана у него выпал громадный нож – в кожаных ножнах, а рукоять по руке взрослому мужчине. Я сделала вид, что смотрю в другую сторону, и пожалела, что не могу стать невидимкой. Второй парень махнул приятелю, тот поднял нож, и оба вышли из вагона. Я покосилась на Ма, глаза у нее были прикрыты. Я прижалась теснее и принялась запоминать остановки и пересадки, чтобы не заблудиться, когда поеду одна.

Мы вышли на станции, Ма повернулась ко мне и сказала:

– Я совсем не хочу, чтобы ты в одиночку ездила на метро.

Вот так все было в первый раз. Поездки на фабрику после школы превратились в процесс настолько автоматический, что порой, годы спустя, даже направляясь в другое место, я вдруг замечала, что села в поезд, идущий в сторону фабрики, словно все пути вели только туда.

Чайнатаун оказался очень похож на Гонконг, только улицы не такие тесные. В рыбном магазине высились горы морского окуня и корзины крабов; полки бакалеи ломились от консервированной папайи, личи и карамболы; уличные торговцы предлагали жареный тофу и вареный рис. Я радостно подпрыгивала рядом с Ма, пока мы проходили мимо ресторана, где в витрине висели копченые цыплята, и мимо ювелирной лавки, сверкающей желтым золотом. Я свободно понимала все, что говорили люди вокруг. «Нет, я хочу самые лучшие тыквы», – заявляла какая-то женщина. «Это слишком дорого», – возражал мужчина в дутой куртке.

Грузовой лифт поднял нас ко входу на фабрику. Ма толкнула металлическую дверь, и вырвавшееся оттуда облако горячего пара едва не сбило меня с ног. В воздухе густо пахло металлом. Я почти оглохла от грохота сотен швейных машин «Зингер». Над каждой склонилась темная голова.

Никто не взглянул на нас: женщины подсовывали машинам все новые стопки ткани, не останавливаясь, даже чтобы отрезать висящие нитки. Почти у каждой швеи волосы были завязаны в пучок, но все же некоторые пряди выбивались и прилипали к мокрым от пота щекам и шеем. Лица у всех закрыты масками. И на каждой маске – грязная пыльная пленка цвета заветрившегося мяса.

Фабрика занимала целый этаж громадного промышленного здания на Канал-стрит. Огромное, похожее на пещеру помещение, торчащие металлические балки, ржавые болты, покрытые слоем вечной грязи. Груды ткани на полу рядом со стульями, тележки, заваленные горами полуфабриката, длинные металлические поручни с висящей на них готовой и разглаженной одеждой. Свет, просачивавшийся сквозь клубы фабричной пыли, серебрился нимбом вокруг женских голов.

– А вот и Тетя Пола, – сообщила Ма. – Она выходила собирать арендную плату.

Тетушка шествовала по залу со стопкой красных тряпок в руках, раздавая новую работу швеям. Те, кому доставалась стопка побольше, казалось, были ей признательны и часто-часто кивали в знак благодарности.

Тут она заметила нас.

– А вот и вы, – приветствовала она, подходя ближе. – Фабрика впечатляет, не правда ли?

– Старшая сестра, могу я поговорить с тобой?

Тетушка определенно ждала другой реакции. Лицо ее слегка вытянулось.

– Давайте пройдем в офис, – недовольно предложила она.

Открыто глазеть никто не осмелился, но множество взглядов украдкой провожало нас, пока мы шли к офису Дяди Боба. Женщины сидели за удивительными машинами, которые подшивали брюки и пришивали пуговицы, – я таких никогда не видела. И работали все в невероятном темпе.

Сквозь стеклянную дверь кабинета видно было сидящего за столом Дядю Боба. Тросточку он поставил у стены рядом с собой. Мы вошли, Тетя Пола прикрыла дверь.

– Первый день, а? – улыбнулся Дядя Боб.

Мы не успели рта раскрыть, как заговорила Тетя Пола.

– Простите, но у нас мало времени, – заявила она. – Я не могу допустить, чтобы другие рабочие подумали, будто я делаю поблажки своей семье.

– Конечно, – согласилась Ма. – Я знаю, что вы оба очень заняты и не видели квартиру, в которой мы поселились, но там не слишком чисто. – Ма имела в виду, что жилище ниже всяких норм. – И мне кажется, для А-Ким это место небезопасно.

– Ой, младшая сестра, не беспокойся. – В голосе Тети Полы было столько тепла и уверенности, что я невольно поверила ей. – Это временно. Пока не нашлось места, которое было бы вам по карману, ведь у вас так много расходов. Но у Мистера Н. есть еще дома, и как только появится место, за которое вы сможете платить, мы сразу же вас туда переселим.

Ма успокоилась прямо на глазах, и даже я заулыбалась.

– А теперь пойдете, – продолжала Тетя Пола. – Нам лучше вернуться к работе, пока остальные не решили, что у нас тут семейная вечеринка.

– Удачи, – бросил нам вслед Дядя Боб.

Тетя Пола повела нас на рабочее место. По пути мы прошли мимо громадного стола, которого я прежде не заметила. Вокруг него сутились пожилые женщины и совсем маленькие ребятишки, обрезая торчащие нитки с готовых изделий.

– Они приходят за этот стол детьми и из-за него же выходят, уже став бабушками, – подмигнула тетя Пола. – Круговорот фабричной жизни.

Тут мы вступили в густое облако пара. Я ничего не видела, но поняла, что именно здесь находится источник жара. Четыре огромных паровых прессы были соединены с центральным кипятильником, который издавал пронзительный свист каждые несколько минут, выпуская пар. Рядом с каждым прессом стоял человек, он помещал одежду на подставку прессы, затем закрывал крышку – и новые клубы пара вырывались наружу. Отглаженную одежду укладывали на специальные козлы для «окончательной обработки», которая была обязанностью Ма. Стопки одежды непрерывно росли.

Наконец мы добрались до своего рабочего места. Оно оказалось просторнее, чем вся наша квартира. Длинный стол и гора отглаженных вещей, которые мы должны были развесить, рассортировать, перевязать лентой, прикрепить бирку и упаковать в пластиковый пакет. Тетя Пола оставила нас, предупредив напоследок, что отправка товара через несколько дней и она рассчитывает, что мы с Ма управимся вовремя.

Ма поспешно принялась развешивать готовые вещи и попросила меня разобрать по размерам брюки с длинной вешалки. Она протянула мне марлевую маску – квадратный кусок белой ткани, который следовало завязать за ушами. Мы находились рядом с гладильным цехом, и жара стояла адская. Но в маске совсем нечем было дышать, и через несколько минут я ее сняла. Ма свою тоже не стала надевать.

В мусорном контейнере я углядела скомканную китайскую газету и украдкой вытащила ее. Знакомые символы хоть немного подбадривали. Начав сортировку брюк, я разложила газету рядом, на пустой табуретке.

Не прошло и часа, как все поры на коже были забиты фабричной пылью. Паутина из красных нитей опутала мои руки, и, смахивая с лица пот, я оставляла грязные разводы. Ма постоянно протирала стол, за которым работала, но спустя несколько минут там уже лежал новый слой пыли, настолько толстый, что я вполне могла бы на нем порисовать, будь на это время. От каждого движения пыль хлопьями взмывала в воздух.

Посторонний запах, перебивая вонь полиэстера, коснулся моих ноздрей. Я обернулась. Рядом стоял мальчишка. Примерно моего роста, в старой белой футболке, но крепкие руки и плечи подсказывали, что парень, видимо, из драчунов. Глаза, глядящие из-под ровной линии густых бровей, были удивительного золотисто-карего цвета. Он, причмокивая, обгладывал жареное свиное ребрышко. Поблескивала хрустящая корочка, и я практически ощущала вкус ароматного сладковатого мяса.

– Ты до сих пор умеешь читать по-китайски, – качнул он головой в сторону газеты.

Я кивнула. Не уточнив, что только по-китайски и умею читать.

– А я все забыл. Мы живем в Америке уже пять лет, – похвастался он. – Ты, наверное, умная. Читаешь и все такое. – Это прозвучало не как комплимент, а скорее как вопрос.

Я решила быть честной.

– Читала когда-то.

Он поразмыслил мгновение.

– Хочешь кусочек?

Я заколебалась. У китайцев не принято есть чужую еду. В Гонконге мне никто ничего не предлагал.

Парнишка помахал целым ребрышком прямо перед моим носом:

– Ну, бери же.

– Спасибо. – И я решительно сунула мясо в рот. Вкус оказался таким же чудесным, как и аромат.

– Только не говори никому, – промычал он с полным ртом. – Я стащил это у Мамаши Гавс.

– У кого? – Я в недоумении уставилась на него. Свою долю ворованного я уже проглотила.

– У Сержанта.

Наверное, у меня все еще был удивленный вид.

– Мамаша Гавс, – вздохнул он. И поскреб шею, точно имитируя привычку Тети Полы.

– Это моя тетя! – выдохнула я.

– Ой-е! – широко распахнул он глаза.

Но тут я рассмеялась, и он вместе со мной.

– Знаешь, вообще-то я не воришка. Просто мне нравится дразнить ее. Заходи ко мне в перерыве, туда, где нитки обрезают. Меня зовут Мэтт.

В свой следующий перерыв я заглянула к обрезчикам ниток. Худенькие старушки и дети проворно вертели в руках готовые изделия, специальными ножницами обрезаая торчащие нити. Некоторым из ребятишек было лет по пять,

не больше. Мэтт работал рядом с малышом в очках. Женщина – должно быть, их мать – сидела рядом. Ее большие розоватые очки едва прикрывали огромные мешки под глазами.

– Ты мальчик или девочка? – спросила она, коротко глянув в мою сторону.

Мэтт сдавленно хихикнул.

Я знала, что похожа на мальчишку – грудь совершенно плоская, волосы коротко подстрижены из-за вечной жары в Гонконге. Захотелось исчезнуть.

Второй мальчик миссис Ву, совсем крошечный лопухий очкарик, не поднимал глаз. И все крутил в руках одну и ту же юбку, выискивая пропущенные нитки. На столе перед ним стоял игрушечный мотоцикл с картинкой американского индейца на бензобаке. Игрушка выглядела так, словно ее долго грызли и жевали.

– Привет, – обратилась я к малышу.

Мальчик не ответил, и тогда Мэтт, наклонившись, осторожно помахал ладонью перед его лицом. Потом сделал несколько знаков, напоминавших азбуку глухонемых. Малыш на миг вскинул голову и тут же потупился вновь. За это мгновение я успела разглядеть, что глаза его за стеклами очков странно расфокусированы.

– Парк не очень хорошо слышит, – пояснила миссис Ву.

– Ма, у меня перерыв, – объявил Мэтт, спрыгивая с табуретки. Обернувшись к Парку, он сделал еще несколько жестов. Наверное, спрашивал, не хочет ли Парк пойти с нами.

Парк никак не отреагировал, и Мэтт сказал:

– Он стесняется.

– Только не слишком долго, – попросила миссис Ву. – У нас очень много работы.

Некоторые из ребят, заметив, что мы освободились, потянулись в нашу сторону, и все вместе мы двинулись к аппарату с напитками у входа. Содовая стоила двадцать центов за бутылку, и позже я узнала, что мало кто покупал ее здесь – чересчур дорого, – но сама идея, что на удушающе жаркой фабрике можно достать прохладную газировку, была настолько заманчива, что пятачок у аппарата превратился в самое популярное место отдыха.

Я подозревала, что многие из ребят оказались на фабрике по тем же причинам, что и я. Официально они не числились работниками, но им больше некуда было идти, а родителям требовалась помощь. Ма объяснила, что платят здесь сдельно, а значит, работа, выполненная детьми, составляла существенную прибавку к доходам семьи. В школе я узнала, что сдельная оплата в Америке незаконна, но эти правила касались только белых, а не нас.

Прислонившись к тихо урчавшему аппарату, я наблюдала за Мэттом. Он, похоже, был лидером среди фабричных ребятишек всех возрастов – от четырехлетних до подростков. Для экономии Ма почти всю мою одежду шила сама, хотя и не слишком ловка была в этом деле, так что на мне была белая рубаша, сшитая вручную, в то время как на других детях – клевые футболки с английскими надписями вроде «Не забудь проголосовать». Они чередовали китайские слова с английскими, демонстрируя, какие они настоящие американцы, и, похоже, всем было известно, что я «только что из джонки». Новость о том, что Мамаша Гавс моя тетушка, вызвала бурное перешептывание, но Мэтт определенно взял меня под крыло, так что никто не посмел дразниться. И даже несмотря на тяжелую работу, я рада была оказаться вновь среди маленьких китайцев.

Минут через десять все потянулись обратно к рабочим местам. Я вернулась к Ма и продолжила работу, но была уже страшно уставшей. Ведь прошло уже целых три часа. Я все ждала, что Ма сейчас скажет – пора идти домой. Но вместо этого она достала пластиковый контейнер с вареным рисом, морковкой и кусочком ветчины: обедать придется прямо за этим столом. Я не могла жаловаться – она-то здесь гораздо дольше, чем я. Мы поели стоя, очень быстро, чтобы успеть выполнить положенную норму. Первый рабочий день закончился для нас в девять. Позже я узнала, что это еще довольно рано.

Утром я долго не выходила из ванной.

– Ким, – позвала Ма, – мы опоздаем в школу.

Я неохотно приоткрыла дверь, теребя в руках старенькое полотенце.

– Мне нездоровится.

Ма обеспокоенно потрогала мой лоб:

– Что случилось?

– Живот болит, – пробормотала я. – Наверное, мне сегодня лучше остаться дома.

Ма внимательно посмотрела на меня, улыбнулась.

– Глупышка, зачем говорить так много слов? – Она имела в виду – зачем я обманываю. – Ты должна ходить в школу.

Идея образования была для Ма священна.

– Я не могу, – призналась я. И глаза опять наполнились слезами, хотя я старательно скрывала их, пряча лицо в полотенце.

– Тебя обижают? – ласково спросила Ма.

– Не дети, – всхлипнула я, пристально рассматривая обшарпанный порог ванной комнаты. – Учитель.

Взгляд ее стал скептическим. В Гонконге учитель – фигура очень уважаемая.

– О чем это ты?

И я рассказала все: как мистер Богарт вчера поправлял мой акцент, как он сердился на то, что я ничего не понимаю, и назвал меня пиццей, как он решил, что я списываю, и поставил мне «ноль». Я уже не пыталась сдерживать слез и лишь сдерживала рыдания, когда слезы хлынули свободным потоком.

Я выплакалась, Ма молчала. Она слегка шевельнула губами, прежде чем заговорить. Затем выдавила, запинаясь:

– Может, мне следует поговорить с ним, рассказать, какая ты хорошая ученица.

Я было встrepенулась, но тут же представила, как Ма пытается объясниться с мистером Богартом при помощи тех нескольких английских слов, что она знала. Он еще больше будет презирать меня.

– Не надо, Ма, я справлюсь сама.

– Уверена, если ты будешь заниматься так же усердно, как всегда, он даст тебе еще одну попытку. – Она притянула меня к груди, прижалась щекой к моей макушке.

Я была удивлена и благодарна Ма, которая не стала безоговорочно принимать сторону учителя. Обхватив ее руками, я прикрыла глаза, и на миг мне показалось, что все будет хорошо.

После разговора с Ма я поступила так, как поступил бы любой чувствительный ребенок на моем месте. Начала прогуливать школу. Ма вынуждена была отпускать меня на занятия одну, поскольку ей нужно было спешить на фабрику, в противном случае она ни за что не успела бы выполнить норму. Она не могла позволить себе роскошь провожать дочь в школу.

– Ты уверена, что не заблудишься? – с беспокойством спрашивала Ма. – У тебя точно есть жетон на метро?

Ма боялась отпускать меня, но теперь, когда я знала дорогу, путь до школы казался совсем несложным. Далеко, но почти по прямой. Мы вместе доезжали на метро до нужной остановки. Ма медлила у выхода, но я уверенно кивала ей на прощанье и отправлялась в направлении школы. Едва Ма скрывалась из виду, я ныряла за угол и возвращалась домой.

Несмотря на холод, я жутко потела от волнения. Что, если столкнусь с мистером Богартом или меня заметит кто-нибудь из одноклассников? Я ведь никогда прежде не делала ничего подобного. Как всякая хорошая китайская девочка, я

всегда следовала правилам и радовалась учительской похвале. Но единственной альтернативой было вновь войти в класс мистера Богарта. Я впадала в отчаяние.

С болезненным чувством я тянула на себя тяжелую входную дверь, медленно вступая в темную пасть подъезда. Не снимая куртки, пробиралась в мрачную гостиную. Слабый солнечный свет с трудом пробивался сквозь грязные окна. Прежде я никогда по-настоящему не бывала дома одна и теперь чувствовала себя в относительной безопасности, лишь сидя в самом центре матраса. По крайней мере, издавек заметно, если подползают тараканы. В пустоте дверного проема могло материализоваться что угодно. Мусорные пакеты, закрывавшие кухонное окно, шелестели, а я размышляла, что грабителю не составило бы труда отодрать пленку и пробраться внутрь. А я могла бы выпрыгнуть в окно. И даже выжить, если бы удалось зацепиться пальцами за подоконник. Я развлекалась, придумывая выходы из всех непредвиденных ситуаций: загорится плита, в ванной появится привидение, нападет крыса, неожиданно вернется Ма, позабывшая что-то важное.

В квартире было очень сыро. Тот ноябрь выдался одним из самых холодных в истории Нью-Йорка. Чтобы не замерзнуть окончательно и не пугаться, я включала маленький телевизор. Его бормотание переносило меня в мир еды и лимонных аэрозолей. Я смотрела множество фильмов о больнице: врачи целовали медсестер, сестры целовали пациентов; фильмы о ковбоях и индейцах; многочисленные шоу, где люди сидели вокруг сцены, держа фонарики. Особенно загадочно звучала одна реклама. «Подними руки и будь уверен!» – грохотал голос диктора, а на экране мужчины и женщины победно вскидывали руки вверх. К чему бы это? Это имеет какое-то отношение к статуе Свободы?

«Увеличь словарный запас втрое за тридцать дней, – авторитетно наставлял серьезный мужской голос. – Удави своих друзей. Покажи боссу, кто на самом деле босс». Я решительно выпрямилась, представив, как вхожу в класс и произношу слова, которых даже мистер Богарт не знает. И друзей давить не надо – у меня их здесь все равно нет. За этим последовала реклама вермишели в форме букв – сама идея привела меня в восторг, как и все, что связано с буквами. Тут я поняла, что проголодалась, так как наступило время обеда.

Я храбро прошла в темную кухню и заглянула в маленький облупленный холодильник. Ма не привыкла им пользоваться, и он был практически пуст. Я нашла только несколько жалких кусочков холодного цыпленка – косточки и жирная кожа, – пожелтевшие овощи с холодным рисом и плоскую коробочку

устричного соуса. И не посмела ни к чему прикоснуться. Меня учили, что еду обязательно нужно разогреть. Дети в рекламе, которую я только что посмотрела, радостно ели сэндвичи с сыром, яблоки и пили молоко, но у меня не было хлеба, не говоря уже о том, что на него можно положить. Я боялась даже стакан воды выпить: однажды дома у меня был такой жуткий понос после некипяченой воды из-под крана, что я чуть не умерла. Ма всегда готовила мне горячую еду, когда мы вместе возвращались из школы, – паровую макрель с черными бобами, свиные шкварки, тыквенный суп, жареный рис с зеленым луком.

Я побрела назад к телевизору, в животе урчало. Сверкающие игрушечные кухни, мячи, такие огромные, что на них можно сидеть, детвора, поедающая хот-доги в ветвях деревьев. Рекламный ролик, в котором семья сидит за щедро накрытым длинным столом. Мне жутко захотелось оказаться в той комнате, где стоял стол. Там было так чисто, что можно было лечь прямо на пол. В нашей квартире я старалась ни к чему особенно не прикасаться. Даже после самой интенсивной уборки все словно было покрыто налетом из мертвых насекомых и мышиного помета. Я погрузилась в одну из своих самых любимых фантазий – что Па жив. Будь он здесь, возможно, нам вообще не пришлось бы работать на фабрике. Он сумел бы найти хорошую работу, и мы тогда зажили бы, как те люди в рекламе.

Но даже с включенным телевизором тоскливый серый день тянулся невыносимо долго, и я все думала и думала о Ма, которая в одиночку работает сейчас на фабрике. Я представляла ее аккуратные руки, медленно скользящие по отглаженной одежде. Как она, должно быть, устала. Но я не могла пойти к ней сейчас, потому что якобы была в школе. Мышь пробежала по полу и скрылась в кухне, я подпрыгнула от неожиданности. Швабру я держала наготове, чтобы обороняться от тараканов и других незваных гостей; если насекомые начинали шепуршать неподалеку от матраса, я стучала шваброй, отгоняя их, но стараясь не раздавить. Отчасти в силу буддистского воспитания, призывавшего ценить жизнь во всех проявлениях, но еще больше потому, что не хотела видеть размазанные по стене трупы.

От скуки я принялась рыться в вещах Ма. В чемодане обнаружила квадратную картонную коробочку с диском, заботливо перевязанную бечевкой. Видимо, эта запись представляла огромную эмоциональную ценность для Ма. Никаких других причин хранить ее не было, у нас ведь здесь даже не на чем ее прослушать. Я осторожно открыла коробочку, рассчитывая найти китайскую оперу, но вместо этого с удивлением обнаружила итальянскую. Карузо поет

арию Каварадосси из «Тоски». Фотография выпорхнула на пол. И тогда я вспомнила: наша гонконгская квартира, я лежу на диване, под потолком гудит вентилятор, а Ма включает мне музыку перед сном. Наша обычная практика: одна песня – и в кровать. Как правило, она выбирала китайскую мелодию, но в тот вечер поставила запись мужчины, печально певшего на чужом языке, слова песни сопровождали вздохи сожаления. Ма отвернулась, пряча лицо.

И в тот вечер, и еще много раз я засыпала, думая о жизни Ма и о горьких воспоминаниях, связанных для нее с той музыкой. Я знала, что ее родители были образованными, интеллигентными людьми, землевладельцами, и поэтому их несправедливо приговорили к смертной казни во время «культурной революции». Перед смертью они потратили все оставшиеся средства, чтобы вывезти Ма и Тетю Полу из Китая в Гонконг, пока не стало слишком поздно. А потом любовь всей жизни Ма, мой Па, ушел от нее совсем молодым, едва за сорок, – вечером лег спать с головной болью, а ночью скончался от инсульта.

Я подобрала фотографию, выпавшую из конверта с записью, – ту, что стояла в рамке на пианино в нашей гостиной в Гонконге. У нас, как у многих тамошних жителей, не было фотоаппарата, это чересчур дорого, так что осталась единственная фотография, на которой запечатлены мы втроем. Несмотря на некоторую скованность, три головы чуть наклонены друг к другу – нежно, как в настоящей семье. Ма чудесно выглядит, лицо маленькое, изящное, светлая кожа обтягивает тонкие кости; рядом Па, просто идеальная для нее пара – темные светящиеся глаза, точеное красивое лицо, как у кинозвезды. Я смотрела на его руки, одна из которых нежно – как мне казалось – сжимала детский локоток, мой. Это была героическая рука, которая могла бы сжимать тяжелый плуг, защищать от демонов и разбойников. И я, двухлетняя, на коленях у Па, с любопытством смотрю в объектив. На мне матросский костюмчик, и рука поднята ко лбу в военном приветствии – несомненно, идея фотографа. Счастливый ребенок. Неужели я действительно была такой славной и радостной?

На обратной стороне снимка несколько слов. Наши имена и дата. Почерк не Ма, значит, его. Я, еле касаясь, провела пальцем по неровностям, оставленным ручкой на плотной бумаге. Это был мой Па, его рука написала эти слова.

Больше у меня ничего не осталось на память. Но, как ни велика была моя потеря, утрата Ма все же гораздо больше. Она знала и любила его, после его смерти она осталась совсем одна, и ей пришлось растить меня в одиночку. Я бережно

положила на место фотографию и диск с записью. И мне еще больше захотелось помочь Ма.

Наконец-то можно было отправляться на фабрику. Я прошла мимо тележки с надписью «Хот-дог». Продавец предлагал тонкие сосиски в булочке, политые сверху желтым соусом. Выглядело и пахло соблазнительно, но у меня в кармане был только жетон на метро и десять центов на экстренный звонок по телефону. У турникета стоял полицейский с пистолетом на ремне и внимательно смотрел, как я опускаю свой жетон в прорезь.

– Эй! – окликнул он.

Я застыла, готовая к аресту. Но полицейский глядел на мальчишку, бросившего скомканную бумажку прямо на пол.

– Ну-ка, подними! – приказал он.

Я скользнула мимо и побежала к платформе.

Ребята с ранцами входили в вагон, и я боялась, как бы среди них не оказалось знакомых. Мне чудилось, что все смотрят только на меня: эта девочка сегодня прогуляла школу.

Глава третья

Вскоре выяснилось, что в нашем доме нет отопления. Мы с такой надеждой отмывали батарею в спальне, скребли, содрав с радиатора вместе с грязью почти всю краску, но он и не думал оживать, сколько мы ни крутили ручки. Исследовав третий этаж, мы выяснили, что все остальные квартиры заперты и пусты. Повсюду груды мусора – у дверей, на лестницах. На пороге одной из квартир свалена куча полупустых коробок, будто прямо во время переезда человек исчез или вообще умер. На заколоченной витрине первого этажа еще виднелась полустертая надпись «Доллар Стор». Мы нашли и выход во двор, громадная куча мусора посреди которого копилась, наверное, годами, и запертую дверь в подвал.

Ма вежливо поинтересовалась у Тети Полы, как включается отопление; та, поняв скрытый смысл вопроса, ответила, что уже попросила у Мистера Н. разрешения включить его. И повторила, что мы все равно не задержимся в этом доме надолго.

Дни, в которые я прогуливала школу, выдались морозными. Спустя неделю я увидела первый в жизни снег. Хлопья падали на тротуар, поглощавший их, подобно губке. Я потрогала оконное стекло, на удивление холодное, а мне казалось, что летящий с небес рис должен быть теплым, как суп. Землю постепенно укрывало белое одеяло, порывы ветра сдували снег с крыш, создавая крошечные ледяные тайфуны.

Даже сейчас, стоит вспомнить тот период моей жизни, я начинаю мерзнуть. Так бывает после сильного шлепка по обнаженной коже, когда вы не можете наверняка сказать, это жар или холод. Тело просто регистрирует боль.

Ледяной воздух полз по гортани вниз, холод просачивался между пальцев, окутывал легкие и сердце. Тоненькое хлопковое одеяло, привезенное из Гонконга, совершенно не спасало, ведь в Гонконге не продавали ничего подходящего для нью-йоркской зимы. Чтобы хоть как-то согреться, мы спали под грудой одежды. Часто, проснувшись, я обнаруживала, что замерзла очередная неожиданная часть тела, – например, бедро, с которого соскользнул скомканный свитер.

На окнах изнутри медленно образовывалась ледяная корка. Чтобы выглянуть на улицу, я прижимала посиневший от холода палец к толстому слою изморози, пытаюсь растопить маленький кружочек и добраться до чистого стекла.

Как-то днем я отогнула краешек мусорного пакета на кухонном окне – посмотреть, как выглядит обратная сторона дома. Надстройка над первым этажом, видимо, служила складом магазинчика. Крыша почти скрыта под грудой хлама, но я все же разглядела большую дыру, которую никто так и не собрался залатать. Старая газета, застрявшая в дыре, трепыхалась на ветру. Наверное, во время дождя или снегопада там внутри сыро.

Из кухонного окна можно было заглянуть в квартиру по соседству, в доме мистера Эла. Удивительно, что соседнее здание располагалось всего в нескольких футах. При желании я могла бы даже постучать им в окно шваброй,

высунувшись чуть подальше. Сквозь стекло я разглядела спящую чернокожую женщину. Видимо, в их квартире топили, поскольку на женщине был только тоненький халатик. Руки ее нежно обнимали маленький сверток – ребенка. Свободная часть матраса завалена одеждой и тряпками, кусок обоев над головой оторван. Но я видела, как сильно они любят друг друга, невзирая на нищету, и тосковала по временам, когда мы с Ма жили вдвоем.

Потом я замерзла окончательно и прикрепилась на место оторванный пакет.

Назавтра, едва прикрыв за собой фабричную дверь, я увидела Мэтта, тащившего в направлении трансформаторной будки тяжелую тележку, нагруженную лиловыми юбками. Гора одежды угрожающе нависала над головой, ему приходилось пятиться, волоча тележку. Забросив школьный рюкзак на плечо, я направилась было к Ма и своему рабочему месту, но неожиданно Мэтт окликнул меня по-китайски:

– Эй, не поможешь?

Я ухватила за тележку сзади. Хотя Мэтт держал переднюю часть, пол был таким скользким, что мне приходилось изо всех сил упираться ногами, чтобы колеса не вихляли. Мэтт высунулся из-за тележки:

– Весело было в школе?

– Ага.

– Забавная у тебя школа. Все остальные школы в Нью-Йорке сегодня закрыты.

У меня перехватило дыхание.

– Да ладно, колись. Любой идиот догадается, что ты прогуливаешь.

– Ш-ш-ш! – Я испуганно оглянулась, не подслушивает ли кто.

А он продолжал, не обращая на меня внимания:

– Ни разу не видел, чтобы ты делала домашнее задание.

– Ты тоже никогда уроки не делаешь.

– Я-то никогда этим не занимался. Но ты же конченная зубрилка.

– Как думаешь, моя мама догадывается? – Я по-настоящему испугалась.

– Не-а. Я догадался только потому, что сам такой.

– Правда? – У меня немного отлегло от сердца.

– Но я слышал, как одна тетка жаловалась твоей маме, что приходится работать сегодня, в День благодарения. У них тут это большой праздник. Так что лучше тебе побыстрее придумать оправдание.

Но мозги словно судорогой свело – пусто и страшно.

– Ну что? Что же?

– Например, скажи, что сообразила, только когда пришла в школу, – поразмыслив секунду, предложил он. – А потом вернулась домой и принялась за уроки, потому что к следующей неделе у тебя очень большое задание.

Мы добрались уже до трансформаторной будки рядом с конторой фабрики. Отпустили тележку, и она сама прокатилась еще несколько футов, замедляя ход.

– Я в долгу перед тобой.

Ма всегда учила меня, что долги нужно отдавать. Я вывернула карман посмотреть, нет ли чего-нибудь в подарок Мэтту, но обнаружила лишь обрывки туалетной бумаги, которые служили мне салфетками.

– Фигня, – бросил он. – Забудь. – И скрылся в клубах пара.

За окном офиса мелькнул силуэт Тети Полы, и я поспешила к своему рабочему месту.

Ма спрятала волосы под косынку, на правом виске у нее темнело лиловое пятно – видно, стирала пот.

– Привет, а у нас сегодня не было занятий, – с порога объявила я.

– Так почему ты не явилась раньше? – скрестила руки на груди Ма.

– У меня большое задание на следующую неделю.

– Что за задание?

– Текущие события, – мгновенно придумала я. – Нужно посмотреть новости по телевизору.

Ма кивнула, но, похоже, поверила не до конца.

– И ты оказалась на фабрике ровно в то же время, что и после школы?

На этот раз я думала дольше.

– Я никогда не ездила на метро в другое время.

Ма принялась продевать пояс в петли юбки.

– О чем это вы там болтали с мальчишкой Ву?

– Да так, ни о чем.

– Тебя, похоже, что-то сильно удивило.

– Да нет, он просто звал меня поиграть после работы. – Мне даже удалось изобразить смешок. – Вот ведь бездельник.

– Думаю, с такими тебе следует быть начеку.

– Да, Ма.

Отложив юбку, Ма присела на табуретку. Внимательно посмотрела на меня.

– Не стоит водить дружбу с этими детьми. Ты всегда должна помнить, А-Ким, что если ты играешь с ними, говоришь, как они, учишься, как они, так же ведешь себя, – чем тогда ты от них отличаешься? Ничем. И лет через десять-двадцать окажешься там же, где остальные китайские девушки, – за швейной машиной на фабрике. А когда состаришься и не сможешь больше шить, будешь обрезать нитки, как миссис Ву.

Она помолчала, словно сомневалась, стоит ли продолжать.

– Большинство людей обречены на такую жизнь. Возможно, и для меня больше нет будущего. Мне уже не стать вновь учительницей музыки. – Я встрепенулась было возразить, но Ма остановила меня: – Это так. Но родители для того и существуют, чтобы жизнь детей была лучше. Ты не должна забывать, что в Гонконге была лучшей ученицей в нашей школе. И ничего не изменилось сейчас, известно это твоему нынешнему учителю или нет. Никто не может изменить твою природу, кроме тебя самой.

Ма притянула меня к груди.

– Прости, что притащила тебя сюда, – прошептала она.

Никогда, ни до, ни после, Ма не выражала столь явно сожаление по поводу нашего переезда в Америку. И я поняла, в чем отныне моя задача.

– Я вытащу нас обоих отсюда, Ма. Обещаю.

В понедельник придется вернуться в школу. Па скончался, а больше некому спасти Ма. Представить себе Ма обрезающей нитки было невыносимо. Я припомнила, что Тетя Пола говорила о братце Нельсоне – якобы учительница считает, что тот станет хорошим адвокатом. Не представляю, чем занимаются адвокаты, но, кажется, они зарабатывают огромные деньги. Ну уж если Нельсон на это способен, я тем более справлюсь.

Принятое решение странным образом принесло облегчение. Многочасовое сидение дома порождало лишь чувство вины и страх. А еще голод, холод и одиночество. В глубине души я осознавала, что это не может продолжаться вечно. И вот боги дали мне еще один шанс: за несколько праздничных дней я могла придумать объяснение, почему пропустила школьные занятия.

Но в предвкушении возвращения к мистеру Богарту я потеряла аппетит. Я помогала Ма, а перед глазами все стояло его злобное лицо и ореол вокруг лысой головы. (Лишь много позже я поняла, что волосы у него есть, просто очень светлые и жидкие; я не опознала их сразу, поскольку никогда прежде не видела блондинов.) Я вспоминала, как ничего не понимала, как получила «ноль». Думала о своих учителях в Гонконге, всегда хваливших меня и ставивших в пример. Раньше я жалела бедолаг, которые невнятно мямлили неправильные ответы и, потупившись, нервно сжимали руки, но теперь, как ни тяжело это признавать, среди таких бестолковых оказалась я сама.

Первые же слова мистера Богарта, едва я появилась на пороге, прозвучали непонятно.

– Где твоя справка?

К счастью, слово «справка» я знала и заранее подумала, что должна представить документ, объясняющий мое отсутствие. Я протянула учителю записку, которую старательно подделала, почерпнув сведения из старого учебника английского.

Уважаемые сэры,

Кимберли болела. Простите за беспокойство.

Ваша покорная слуга

Миссис Чанг

Мистер Богарт коротко глянул на листок и сунул его в журнал без дальнейших комментариев. Я скользнула на то же место, где сидела в первый день.

Потом была контрольная. Я пропустила предыдущие уроки, поэтому понятия не имела, что нужно делать. Нам раздали листочки с числами и текстом над ними. Три баскетбольные команды... каждая сыграла по пять игр... Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять суть вопроса, но зато оказалось, что это просто задача на вычисление среднего арифметического. А вот обычный пример с десятичными дробями. словно неожиданная встреча со старыми друзьями. Оказывается, они здесь изучали то, что мы в Гонконге проходили больше года назад.

Тем не менее косые взгляды мистера Богарта по-прежнему внушали страх. Я не совсем правильно перевела текст и слишком поздно поняла, что допустила ошибку, а стереть написанное было нечем. Интересно, он разозлится, если я просто зачеркну? Скорее всего. Да и места для правильного ответа не останется. Я не смела обратиться за помощью к кому-нибудь из ребят, боялась, что меня опять заподозрят в списывании.

Выход один – обратиться к самому мистеру Богарту. Я встала и решительно направилась к учительскому столу. Подобная ситуация, по крайней мере, описана в учебнике английского, и я знала, что нужно сказать.

– Прошу прощения, сэра, – я старалась выговаривать слова как можно тщательнее, – не могли бы вы дать мне попользоваться резинку?

Он молча уставился на меня, а по классу пронесся шепоток.

Один из мальчишек громко произнес:

– А что, у твоего парня никогда с собой нету?

Класс грохнул. Но почему? Как сейчасгодились бы длинные волосы, чтобы прикрыть ими лицо.

Мистер Богарт побагровел. Пристально глядя на меня, он словно прикидывал, не нарочно ли я отвлекаю класс от работы.

– Довольно! Замолчите! Кимберли, иди на свое место.

Пристыженная, но так и осознавшая ошибки, я поспешила к своей парте. Сегодня же уйду из школы и никогда больше сюда не вернусь.

Но тут ко мне склонилась кудрявая девочка.

– Это называется ластик, – прошептала она. И, поправив выбившуюся прядь, подтолкнула мне розовый ластик.

День в итоге оказался неплохим. Я знала, что на все вопросы в контрольной ответила верно, даже если решила уравнение другим способом. Позже выяснилось, что в Америке действительно принято записывать систему уравнений немного иначе. Мистер Богарт снял за это несколько баллов, так что «сто» я за работу не получила, но узнала достаточно, чтобы в следующий раз дело ограничилось несколькими небольшими исправлениями. В этой битве я имела реальные шансы на победу.

Что гораздо важнее, я познакомилась с Аннет, той самой кудрявой девочкой. После инцидента с резинкой она легонько толкнула меня локтем. Я взглянула на нее, потом перевела взгляд на ее тетрадку, где она написала «Мистер Буги» под фигуркой человечка с широко разинутым ртом, извергающим ругательства. Я не знала тогда, что «буги» означает «страшила», но идею поняла и пришла в восторг. Аннет обычно не поднимала руку – наверное, потому, что недолюбливала мистера Богарта, – но верный ответ зачастую знала. Она записывала правильный ответ в тетради и демонстрировала мне. Читала я гораздо лучше, чем говорила, так что вариант общения был выбран идеально.

Именно Аннет помогла мне смириться со школой.

Чтобы выжить в декабрьские холода, мы с Ма включали духовку и круглые сутки держали ее открытой. За пределами крошечного теплого круга разница между стылой кухней и комнатой была практически незаметна. В кухне имелась духовка, зато окна затянуты мусорными пакетами, а в комнате просто не было отопления.

В Гонконге я носила бело-голубую школьную форму, а после занятий обувала сандалии и подставляла кожу солнцу. Я привыкла видеть пальцы на ногах, голые коленки и плечи; теперь, когда они были постоянно скрыты одеждой, я скучала по самой себе. Замотанная в одежду, как мумия, слой за слоем, я, бывало, по нескольку дней не видела собственного тела. А в те краткие моменты, когда отдельные участки тела обнажались, воздух касался кожи ледяной лапой. Утреннее одевание становилось суровым испытанием, когда приходилось избавляться от тряпок, нагревшихся за ночь, заменяя их кусачей стылой одеждой.

В отличие от других девочек, под вельветовыми брюками я носила не трусики, а теплую пижаму. А под единственный хлопковый джемпер, привезенный из Гонконга, надевала несколько маек. Когда-то джемпер выглядел вполне прилично – красный кардиган с двумя пандами на кармашках, – но со временем сел, а панды слегка порозовели от постоянных стирок. Натягивать джемпер поверх многочисленных одежек с каждым разом становилось все труднее, но выбора у меня не было. Завершала облачение куртка. Но даже во всей этой одежде, похожая на комок риса в бамбуковых листьях, я все равно мерзла. Единственным положительным моментом в холоде было то, что количество тараканов и мышей сократилось.

Мы старались почти все время проводить рядом с плитой: делать мои домашние задания, складывать одежду, одеваться, работать с кипами тряпок, которые приносили домой с фабрики. Для нас с Ма фабричные нормы оказались просто непосильными, часто она вечером отправляла меня домой, а сама оставалась работать дальше. Если возможно было, она приносила работу домой, в пластиковых пакетах. Независимо от того, насколько поздно я засиживалась за домашними заданиями, не помню, чтобы Ма ложилась раньше меня. Ее хрупкая фигурка склонялась над кипами одежды, она клевала носом, но, востропавшись, вновь бралась за работу. Если предстояла отправка товара, мы должны были оставаться на фабрике, пока не закончим, порой на всю ночь.

Стены и пол не нагревались от духовки. Единственными источниками тепла в мертвом здании были наши тела, не считая, конечно, мышинных. Но и перед самой духовкой кончики пальцев мерзли и немели. Это создавало проблемы, поскольку частенько приходилось доделывать дома всякие мелочи – продергивать пояса в петли, застегивать крошечные пуговицы. Каждую свободную минуту Ма пыталась играть мне на скрипке, хотя порой такие минуты выпадали лишь по воскресеньям, а вскоре из-за холода это стало совершенно

невозможно. Музыки придется ждать до весны.

Мне нравилось ходить в школу, несмотря на мистера Богарта, – из-за радости встречи с Аннет и из-за тепла. Я входила в теплое здание, и тут же уши, ладони, ступни начинало покалывать, к ним возвращалась чувствительность.

Аннет сказала, что ей надели скобки. Я выглядела настолько озадаченной, что она написала мне слово, а потом широко, как лошадь, разинула рот, демонстрируя, что имеет в виду. Я никогда не видела брекетов. Дома мы все росли со своими обычными кривыми зубами.

Еще у Аннет был голубой рюкзачок, с маленькими медвежатами и белочками, прицепленными к молнии. Я ничего не приносила из дому перекусить, потому что Ма это просто не приходило в голову, но Аннет всегда доставала из своего рюкзачка восхитительные лакомства: крекеры с мармеладом и арахисовым маслом, маленькие кубики оранжевого чеддера, яйца, смешанные с майонезом, стебли сельдерея, фаршированные сливочным сыром. Ее, похоже, забавляло мое удивление и восторг, и она охотно делилась со мной едой.

А еще я тайно восхищалась цветом самой Аннет. Кожа ее вовсе не напоминала матовую белизну листа бумаги, как прежде я представляла себе кожу белых; она оказалась почти прозрачной, и сквозь нее проглядывали розовые прожилки кровеносных сосудов. Однажды на рынке в Гонконге я видела лягушку-альбиноса, так вот Аннет походила на нее. А как-то раз она задрала джемпер и показала мне свой круглый животик, так я даже отпрыгнула в изумлении. Живот не был гладким и смуглым, как мой. Кожа покраснела, резинка штанов оставила на ней борозду, голубые вены резко выделялись на белом фоне. Я тогда подумала, что кожа у Аннет, должно быть, очень тонкая и легко повреждается. Такие голубые глаза, как у нее, я в Гонконге видела только у слепых с катарактой. Казалось, что они прозрачны до самого мозга, и было удивительно, что она могла смотреть своими светлыми глазами так же легко, как я своими.

Аннет сказала, что у меня хорошие волосы, хотя и короткие, даже заметила, что они такие черные, что даже отливают синим, и посоветовала отрастить их «под пажа». Долгие годы я стремилась к прическе «под пажа», совершенно не представляя, что это такое, но в полной уверенности, что Аннет плохого не посоветует. Ей казалось удивительным и необычным то, что я родом не из

Америки. И она хотела учить китайские слова, особенно ругательства.

– Чокнутая дыня, – произносила я по-китайски.

– Она – гоу гуан, – хихикала Аннет, произнося столь неправильно, что я с трудом понимала, что она имеет в виду. Ни один китаец ее не понял бы, что, впрочем, к лучшему. Аннет говорила о девочке из нашего класса, которую терпеть не могла, потому что та «всезнайка». Я же не могла взять в толк, что плохого в том, что человек много знает.

У Аннет, как и у меня, не было друзей. Думаю, потому, что она была одной из трех белых в нашем классе, а двое других – мальчишки, которые держались вместе. Остальные ребята были чернокожими. Между черными и белыми школьниками существовало очевидное отчуждение. Видимо, среди темнокожих выделялись еще несколько латиноамериканцев, но в то время я считала их черными с прямыми волосами.

Школа располагалась недалеко от богатого белого района. Родители белых детей, желавшие, чтобы те учились в городской школе, вынуждены были отправлять их в эту. Но основную массу учеников составляли жители ближайших кварталов – небогатых, скорее даже бедных. Мыслить подобными категориями я начала много позже, но практически сразу поняла, что Тетя Пола права: контингент в нашей школе гораздо приличнее, чем в «микрорайоне» – так называлось место, где мы жили.

Себя я считала скорее чернокожей по многим причинам. Белые ребята приносили сэндвичи в коричневых бумажных пакетиках. Двое белых мальчишек сидели за отдельным столом и ели отдельно. Я ела бесплатный горячий ланч вместе с чернокожими и с Аннет, единственной белой за нашим столом. И жила я в черном районе. Но чернокожие дружили друг с другом, а я была одна. Они свободно и быстро говорили по-английски, хором пели в школьном дворе, вместе играли в известные им игры. Помню одну популярную песенку: Вы похожи на мартышку, вы воняете, как скунс. Мы вас дружно ненавидим, мистер Богарт, старый гнус.

Конечно же, в классе считали меня странной. Я нелепо выглядела в своей жалкой, самодельной одежде, с мальчишеской стрижкой. Ма бралась за ножницы, едва волосы отрастали до затылка. Она считала это разумным, потому

что в нашей ледяной квартире короткие волосы быстрее сохли. Хотя большинство чернокожих в нашем классе были из бедных семей, одежду они носили магазинную. По пути в школу я разглядывала многоэтажные дома, где они жили. По тротуарам рассыпано битое стекло, и стены исписаны граффити (я выучила, как называются эти английские надписи), но вокруг зданий живая изгородь, и окна без решеток. И у этих людей наверняка есть центральное отопление.

Впрочем, у некоторых жизнь была не такая уж сладкая. Один из мальчиков, к примеру, неожиданно пропал, и никто не знал, куда он подевался. А еще за одной девочкой однажды прямо в середине дня пришла мама, и выглядела она так, словно ее сильно поколотили. Мистер Богарт и глазом не моргнул – видимо, привык. В школьном дворе что ни день случались драки, и я как-то видела мальчика с разбитым в кровь лицом. Чаше дрались мальчишки, но порой и девочки тоже, а иногда и те и другие.

Остальные ребята если и не ненавидели друг друга в открытую, то ограничивались грубостями, насмешками и издевками. Особым развлечением были вши: их ловили на себе, давили и подсовывали соседям. Под предлогом передачи вшей мальчишки колотили друг друга изо всех сил или трогали девочек. Я понятия не имела о вшах и зачастую оказывалась финальной обладательницей насекомых. Меня учили не прикасаться к другим людям без разрешения, поэтому мне трудно было избавиться от нежелательных приобретений. Вши – единственное, что преодолевало расовые барьеры.

Я никогда не была болезненным ребенком, но той зимой простуды преследовали меня. Под носом образовалась полоска постоянно воспаленной кожи, вся в мелких трещинках. Врача мы не могли себе позволить. Дрожа в лихорадке, я лежала в постели, а Ма варила рис с толстыми ломтями имбиря, заворачивала его в салфетку и клала мне на лоб, чтобы вытягивало инфекцию. Она подогревала кока-колу с лимоном и заставляла меня пить ее теплой.

Ма зашла в медицинскую лавку в Чайнатауне и за сумасшедшие деньги накупила всяких народных средств, которые я должна была принимать. Всё это: толченый олений рог, молотых сверчков, щупальца осьминога, какие-то корешки, похожие на человечков, – она сложила в глиняный горшок и уварила до объема чайной чашки. Я уверяла, что от этой дряни мне станет только хуже, но пришлось выпить до последней капельки.

Обычно, даже если мне нездоровилось, Ма отправляла меня в школу, поскольку в квартире стоял такой жуткий холод, что она просто боялась оставлять меня одну. В такие дни все кружилось у меня перед глазами, лицо горело, из носа текло.

Я надеялась, что, заметив мои успехи в математике и естественных науках, мистер Богарт начнет меня хвалить, но тщетно. Он, видимо, считал, что девочки все равно неспособны к этим предметам, и, если девчонка шла к доске написать ответ, на лице его мелькала ироническая улыбка – он был уверен, что она ошибется. А потом обязательно отпускал ехидное замечание в адрес «прекрасного пола», а я сначала считала это поощрением. И радовалась, доказывая, что он ошибается. Несмотря на то что он снижал отметку за малейшее отклонение от принятых здесь правил, мне достаточно было один раз прочесть новое правило, и я запоминала его быстрее всех в классе.

Но в остальных предметах не могла помочь даже Аннет: физика, общественные науки, риторика – все, что имело отношение к словам. Я полагалась на свое умение читать, а Ма тщательно чистила мне уши специальной лопаточкой, чтобы лучше слышать. Ма даже выделила мне 2 доллара 99 центов на покупку словаря Вебстера в мягкой обложке. Он обошелся нам почти в двести юбок, так как за каждую платили по полтора цента. Долгие годы я оценивала стоимость товара «в юбках». Метро до фабрики и обратно – 100 юбок, пачка жвачки – 7 юбок, хот-дог – 50, новая игрушка могла стоить от 300 до 2000 юбок. Даже дружба измерялась в юбках. Друзьям нужно делать подарки к Рождеству и на день рождения, а это обходилось в несколько сотен юбок. Хорошо, что у меня была только одна подружка – Аннет.

Словарь прослужил мне много лет. Обложка отваливалась, я раз за разом приклеивала ее скотчем, пока она уже совершенно не подлежала ремонту, следом начали отрываться и выпадать первые страницы. Но я пользовалась этим словариком, даже потеряв раздел транскрипции и большую часть буквы «А».

Я сказала Ма, что нам не разрешают брать домой контрольные работы, поэтому я не могу ей ничего показать, но заверила, что у меня все в порядке. Сказала, что учитель понял, какая я хорошая ученица. И страдала всякий раз, говоря неправду. Мистер Богарт словно нарочно выбирал для меня задания практически невыполнимые, хотя сейчас мне кажется, что он просто об этом не задумывался. Описать свою спальню и эмоциональную значимость находящихся в ней вещей (можно подумать, у меня была собственная комната, набитая

дорогими игрушками); рассказать о прочитанной книге (откуда бы я взяла книги, интересно?); сделать коллаж о политике администрации Рейгана, используя картинки из старых журналов (Ма время от времени покупала только китайские газеты). Я старалась изо всех сил, но он этого не понимал. Жалкая попытка, писал он. Невразумительно. Небрежно. Коллаж не может содержать китайских текстов.

Не у меня одной были проблемы с заданиями мистера Богарта. Но большинство ребят равнодушно пожимали плечами, когда он критиковал их, выставляя плохие оценки. Они уже сдались. Но я-то совсем недавно была звездой в своей школе, побеждала в математике и китайском на межшкольных олимпиадах. Я бы что угодно отдала, чтобы блистать и в новом месте, потому что не видела другого способа помочь нам с Ма выбраться с фабрики. Мистер Богарт, видимо, понимал, что я умна, но все равно меня недолюбливал. Возможно, считал меня самонадеянной выскочкой, издевающейся над ним своими «сэрами» и бесконечными вставаниями. Но все это было частью моего воспитания, я не в силах была это прекратить. А может, наоборот, в своей дешевой нелепой одежде я производила впечатление убогой деревенщины. Но и с этим ничего нельзя было поделать.

К белым мистер Богарт придирался меньше, чем к остальным, и я бы решила, что он просто расист, если бы не Тайрон Маршалл, чернокожий. Высокий, сдержанный, Тайрон был невероятно умен. У него были высшие отметки по всем предметам, кроме математики, где лидировала я. Он не рисовался, но никогда не ошибался, если его вызывали к доске. Один из докладов, за который он получил «А с плюсом», даже вывесили на стену. Я помню фразу оттуда, которая произвела на меня огромное впечатление, хотя и не все слова я поняла: «Эта книга выводит нас на арену жестокой дискуссии». Кожа у него была темно-коричневой, матовой, – шоколад, присыпанный какао, а густые ресницы изящно загибались. Мистер Богарт его любил, как и я.

Мистер Богарт произносил речь о том, какой Тайрон замечательный и, разумеется, какие жалкие слабаки все мы по сравнению с ним, а Тайрон все глубже вжимался в парту.

– Ты ведь родился в геттах, Тайрон, верно? – вопрошал мистер Богарт, расхаживая вдоль доски.

Тайрон кивнул.

– Твои родители закончили колледж?

Тайрон отрицательно качнул головой.

– Чем занимается твой отец?

– Он в тюрьме, – едва слышно пролепетал Тайрон.

– А мать?

– Она продавщица.

Даже сквозь темную кожу заметно было, как густо покраснел Тайрон, он словно вспыхнул изнутри. Выглядел при этом жалко. Я прекрасно понимала его смущение, но хотела оказаться на его месте.

– И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ!.. – восклицал мистер Богарт. – И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ у этого мальчика высочайшие в истории этой школы баллы на государственных тестах.

Тайрон не поднимал глаз.

– Я знаю, Тайрон, что ты человек сохрeненный, что должно служить для всех примером, – продолжал мистер Богарт. – И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ Тайрон читает морду Байрона и Фолкнера. Я спрашиваю – в чем разница между Тайроном Маршаллом и всеми вами? ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ. ЭНЕРГИЧНОСТЬ.

И так без конца.

Из-за всего этого Тайрон был своего рода изгоем. Я хотела бы рассказать ему, что в Гонконге тоже была такой, что знаю, каково это, когда тобой восхищаются и одновременно ненавидят, понимаю, что означает подобное одиночество. А еще хотелось сказать, что у него красивые глаза. Но ничего из этого я так никогда и не сказала. Зато делала кое-что другое: всякий раз, как Аннет угощала меня конфетами, а случалось это частенько, я подсовывала несколько штук в парту Тайрона. Знала, что он никому не расскажет. Он находил лакомство и, смущенно улыбаясь, украдкой оглядывал класс. Я поспешно опускала глаза. Думаю, он так

и не заподозрил меня, но утверждать не могу.

Стены класса мисс Кумар, чернокожей учительницы параллельного шестого, украшали разноцветные плакаты; а еще там жили морские свинки. Иногда, проходя по коридору во время урока, я задерживалась у закрытой двери и слышала, как в классе смеются. Мисс Кумар была высокой, элегантной, а длинные волосы укладывала в аккуратное кольцо. В классе мистера Богарта было скучно. Никаких домашних зверьков у нас не держали, а в качестве украшений на стенах висели лозунги: «Будь добропорядочным гражданином», «Рождество – это благотворительность».

В Гонконге у меня была подружка Мей Мей. Умная и симпатичная, розовощекая, с кудрявыми черными волосами. Я всегда была номером один, а она – номером два в классном рейтинге. В Гонконге ученики сидят за партами в соответствии со своим рейтингом, поэтому Мей Мей всегда сидела позади меня. А еще мы жили в одном доме, поэтому часто играли вместе. Я дарила ей маленькие подарки, вроде наклеек, и считала своей лучшей подругой. Но когда я рассказала, что мы переезжаем в США, то в глазах ее разглядела только зависть и никакого огорчения. И она тут же начала дружить с другой девочкой. Наверное, обрадовалась, что теперь станет первой в рейтинге.

С Аннет все было по-другому. Она всегда всем делилась со мной – конфетами, рисунками, информацией. Аннет рассказывала, что ее младший брат – сущее наказание, так что мне повезло, что я – единственный ребенок. Когда ребята хором кричали «СВП», а я мучительно пыталась угадать, что бы это значило, Аннет дала неожиданное для меня объяснение: «Сейчас вылетит птичка», то есть молния на брюках расстегнута.

Аннет поразило, что мне до сих пор неизвестна правда «о птичках и пчелках». Она тогда, вместо того чтобы, как обычно, все растолковать, долго хихикала как чокнутая, чем заинтриговала меня еще больше. Определенно, у этой фразы был какой-то скрытый смысл. Я поискала ответ в школьной библиотеке, но энциклопедия предлагала только информацию о птичке и пчелке в отдельности – и ничего об их тандеме. Я задала вопрос Ма, но та, искренне удивившись, заявила, что раз учитель не рассказывал об этом на уроке, то этого и знать не стоит.

Аннет мыла волосы «пшеничным» шампунем «Клэррол» и, узнав, что я пользуюсь простым мылом, дала понять, что это просто неприлично. А то, что мы пьем дома горячую кипяченую воду, – просто дикость. Она спросила, чем я занимаюсь после школы, и, услышав, что работаю на фабрике, рассказала своему отцу. На следующий день она заявила, что это глупая шутка, потому что в Америке дети не работают на фабриках. Дружба с Аннет была единственным светлым моментом в моей американской жизни, и она многому меня научила, но в тот день я поняла, что некоторые подробности личной жизни следует держать в тайне.

Глава четвертая

Шестиклассникам предстояло, объединившись в пары, изготовить диораму, описывающую «основные способы разрешения конфликтов». Разумеется, мы с Аннет решили работать вместе, а значит, мне нужно было прийти в их дом. Ма не одобряла слишком тесных контактов с друзьями, но школьное задание – это святое, так что я получила разрешение.

После школы мама Аннет заехала за нами на машине. Взгляд у нее был добрый и прямой, а в волосах пробивалась седина. Растрепанный светловолосый малыш, пристегнутый к соседнему сиденью, уткнулся в комикс. Аннет забралась назад, я последовала за ней. Я очень долго думала, как правильно вести себя при встрече, и, когда Аннет чмокнула маму в щечку, я протянула руку со словами:

– Здравствуйте, миссис Эйвери. Как поживаете?

Она обернулась, на лице мелькнуло было удивление, но затем она крепко пожала мою руку. Ладонь у нее оказалась неожиданно широкой, почти как у мужчины, и мои пальцы словно утонули в теплом облаке. Она улыбнулась, и вокруг глаз появились глубокие морщинки.

– Здравствуй, Кимберли. Рада с тобой познакомиться.

Я удовлетворенно откинулась на сиденье, довольная тем, что по крайней мере с одной ситуацией удалось справиться в соответствии с правилами этикета,

которым нас учили в Гонконге. Аннет уже тянула мальчика за рукав.

– Дай посмотреть, – потребовала она.

– Отстань, – буркнул он, не поднимая головы.

– Мам! Он не дает! – Аннет попыталась выдернуть комикс из рук брата, но тот отодвинулся и повернулся к окну, где Аннет не могла до него дотянуться.

– Вы мешаете вести машину, прекратите ссориться, – велела миссис Эйвери.

Брат с сестрой продолжали препираться всю дорогу, пока мы не свернули на красивую, обсаженную деревьями улицу. Я и не представляла, что Бруклин бывает таким уютным, особенно так недалеко от школы. Никаких граффити на стенах, никаких развалин и строительного мусора. Вдоль булыжной мостовой стояли невысокие красивые дома с садиками. Миссис Эйвери припарковала машину около трехэтажного дома с какой-то каменной конструкцией в саду. Я сначала подумала, что это колодец, но, присмотревшись, поняла – бассейн, с золотыми рыбками, карпами и фонтанчиком по центру. Потом я еще долго мечтала о том, как миссис Эйвери достает из своего бассейна маленькую рыбку – может, детеныша, – помещает в пластиковый пакет и вручает мне. А я бы отнесла рыбку домой, и она жила бы в большой кастрюле. Рыбку ведь содержать недорого, она совсем мало ест.

Аннет с братом уже успели взбежать по каменной лестнице к парадной двери. Аннет схватила комикс. Мы с миссис Эйвери подошли к ним как раз в тот момент, когда братец взвыл: «Ма-а-ам!»

– Дай хоть минуту покоя, дорогой, ладно?

Миссис Эйвери справилась с замком, и за распахнувшейся дверью я увидела люстру, сверкавшую огоньками, будто каплями дождя на листьях. У входа, на полированном столике, стояла стеклянная ваза, полная свежих фруктов. Интересно, как им удастся защищать от тараканов открытую вазу? Чудесный изысканный аромат печенья и лимонного чистящего средства витал в воздухе, толстый ковер цветочной аллеей вел в глубину квартиры.

– Мы дома, – сообщила в пространство миссис Эйвери. Но вместо человека из коридора показался пес – белый чау-чау бросился к Аннет. А по лестнице скатился громадный серый кот с белым пятном на кончике хвоста и принялся тереться о ноги брата Аннет.

– Не пугайся, – успокоила меня миссис Эйвери. – Понимаю, они могут разом дорожать, если ты не привыкла к животным, но не уксус яд!

Братишка Аннет схватил кота на руки и зарылся лицом в густую шерсть. Сама Аннет хихикала как сумасшедшая, пока собака вылизывала ее лицо. Невероятно, как миссис Эйвери допускает подобное. Разве животные – это не сплошные микробы?

Миссис Эйвери наклонилась ко мне.

– Все, что нужно, – ласково проговорила она, – это погадить, вот так. – И она потянулась к коту: – Иди сюда, Томми. Они подойдут, обнюхают тебя, и вы станете добрыми друзьями.

С трудом удерживаясь от желания задать вопрос, я покосилась на Аннет, которая уже расселась на полу, прямо в пальто и галошах, и прижалась головой к собачьей груди.

– У них есть?.. – Я не знала, как называются блохи по-английски, поэтому изобразила почесывание.

– О! – воскликнула миссис Эйвери. – Нет, плохо у них нет. Видишь? – Она просунула палец под тонкий ремешок на шее кота. – Это предохраняет от плохо.

Вид у меня, наверное, был озадаченный, поэтому она решила уточнить – поскреблась под мышкой, точно обезьянка. Никогда в жизни я не видела, чтобы взрослые, тем более женщина, вели себя так неприлично.

– Нет чечетки, – повторила она. – Все в порядке.

Маленький братик уже помчался в кухню, мы последовали за ним. Меня представили домработнице, костлявой и сухой, как кусок вяленого мяса.

– Добрый день, – поздоровалась я, протягивая руку.

– Нет, вы только поглядите, – удивленно проговорила она, покачивая головой.

Нам приготовили перекусить. Знакомые по Гонконгу крекеры «Ритц», но к ним достали из холодильника кусок светло-желтого сыра. Незвестным мне металлическим прибором домработница нарезала сыр на тонкие ломтики и положила их на крекеры. Долго еще после этого я помнила вкус – странный, незнакомый островатый вкус сыра в сочетании с маслянистым хрустящим печеньем.

Малыш набрал горсть крекеров, выхватил у Аннет комикс и помчался к лестнице.

– Чтоб никаких крошек на ковре, – закричала ему вслед миссис Эйвери.

– Мам! Он забрал мой... – Лицо Аннет начало покрываться пятнами.

– Прекрати, Аннет. У тебя еще будет время почитать, а сейчас у тебя гости. – Миссис Эйвери обернулась ко мне: – Скоро поймешь, Кимберли, какой у нас тут кошмар творится.

Аннет сосредоточилась на еде, а покончив с угощением, мы пошли в ее комнату. По пути, в гостиной, я заметила огромное черное пианино, а рядом с ним, на диване, сверкающем красной с золотом обивкой, растянулся пес. Даже издали было видно, что подушки все в собачьей шерсти.

Комната Аннет была размером с наш класс в школе. И целая стена игрушек: плюшевые звери, настольные игры, куклы. Кровать у нее оказалась двухъярусная, с лестницей с одной стороны и горкой – с другой. Аннет сказала, что нижняя кровать обычно пустует, ей больше нравится спать наверху. Забравшись наверх, я сначала испугалась, несмотря на деревянные перила. Но, чуть привыкнув, поняла, какое замечательное, пьянящее чувство – оказаться так близко к потолку, сбросить туфли, а рядом сидит подружка, и обратно на пол можно соскользнуть по настоящей горке. У них в доме было так тепло, что я все с себя снимала и валялась на кровати в одной майке. Я была так счастлива и невесома, будто вновь оказалась в Гонконге.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kvok_dzhin/devushka-v-perevode

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)